

ДЖЕССИ

ВАЛЕРИЙ КОЗЫРЕВ

Валерий Козырев

Джесси

«Э.РА»

2011

Козырев В.

Джесси / В. Козырев — «Э.РА», 2011

Она впервые увидела человека так близко, и её сердечко от страха забилося сильнее. Но что-то ей, совсем еще крохотной и несмышленной, подсказывало, что человек этот — не враг, и не сделает ей ничего плохого; а то, что он так высоко поднял её, так это он, наверное, предлагает поиграть с ним. И от большой щенячьей простоты Джесси лизнула его в нос. Незнакомец рассмеялся.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Козырев

Джесси

Если бы я искал отображение любви столь сильной и безусловной, какую имеет к нам Бог, в одном из Его земных творений, то, несомненно, этим существом была бы собака, – настолько сильна и безусловна её любовь к человеку.

В. Козырев

Часть первая

Джесси родилась в тёплый июньский день и сразу же попала во власть большого шершавого языка матери. Некоторое время мать облизывала её, а рядом возились и жалобно пищали такие же, как и она, маленькие беспомощные щенята. Бр-р-р, здесь все было не так, как там, откуда её только что вытолкнула какая-то неведомая сила. Там ей было тепло и уютно, а тут, лишь только мать перестала её оближивать, Джесси впервые ощутила, что такое холод; и, сотрясаясь всем телом, переваливаясь через родившихся до неё братиков и сестричек, поползла к материнскому боку – единственному источнику тепла. А тут появилось и другое, доселе неведомое ей чувство: голод – сосущая пустота внутри; и, запищав от всех, внезапно нахлынувших напастей, Джесси принялась тыкаться мордочкой в пушистый живот матери и тотчас нашла то, что искала – розовый сосок, полный вкусного молока. Она прильнула к нему, и сразу что-то сытное, пахучее, стало наполнять живот приятной тяжестью. Вскоре, почувствовав, что в неё не поместится уже ни капли, она отвалилась от соска и, прижавшись к матери, сладко заснула.

Постепенно Джесси стала привыкать к этому миру – другого выбора у неё просто не было. Чтобы жить – нужно привыкать. Правда, это очень трудно, если кругом все незнакомо, а глаза абсолютно не видят; и поневоле она стала воспринимать все, что её окружает, по запахам. Наверное, детеныши некоторых животных потому и рождаются незрячими и таковыми остаются на некоторое время, дабы, ориентируясь в незримом им пространстве, развить обоняние – чувство, которое и в дальнейшем останется для них одним из главных.

Не прошло и двух недель, как Джесси стала покидать свой угол и, тыкаясь носом в попадающиеся на её пути предметы, принялась изучать комнату. Все вещи в комнате имели свои, присущие только им запахи, и если их запомнить, то можно было без особого труда разобраться, что и где находится в этом тёмном невидимом мире. И вот однажды, смешно переваливаясь с боку на бок, она в очередной раз отправилась в свой исследовательский поход, доковыляла до дальней стены и, устав от столь дальнего перехода, забавно присела на задние лапки и, подняв кверху мордочку, принялась обнюхивать воздух, пытаясь определить, где она находится. В этот миг чуть приоткрылся её левый глаз, до этого плотно закрытый веком. Яркий свет солнечного дня, падающий в комнату через окно, ошеломил Джесси, она испуганно взвизгнула и, быстро семеня лапками, побежала назад. То, что ворвалось в её жизнь через щелочку глаза, было неожиданным и оттого пугающим, и она прикрыла его, – так ей было проще, привычней, а значит – и спокойнее. Но помимо её воли и желания глаз раскрывался все шире и шире, а через день открылся и второй. Привыкать к хорошему не так уж и трудно, и это уже больше не пугало её; она словно оказалась в другом мире, где вещи имели не только запахи, но и каждая – свой облик.

Щенки подрастали, и в последнее время случалось так, что кушать Джесси хотелось все больше и больше, соски же матери становились пустыми прежде, чем наступало чувство сыто-

сти. Да и мама, ласковая и добрая, с которой так хорошо, когда она рядом, стала отлучаться всё чаще и чаще. И вот однажды в комнату вошла хозяйка; в руках у неё была большая глиняная миска, она поставила миску рядом с собачьей подстилкой и стала по очереди осторожно тыкать щенков мордочкой в её содержимое. Для Джесси это стало полной неожиданностью, она фыркнула, затем резко втянула в себя воздух, но сделала это, когда носик был погружен в молоко и, захлебнувшись, принялась отчаянно барахтаться, пытаясь вырваться из рук хозяйки. И когда хозяйка отпустила её, забилась в угол вместе с остальными перепуганными щенками. Немного успокоившись, она облизала мордочку. Запах и вкус того белого, во что Джесси только что обмакнули, были очень похожи на молоко матери. Хозяйка же тем временем ушла, но миска осталась рядом с подстилкой; и Джесси вновь поковыляла к ней, и чуть не доходя, остановилась, потянула носом воздух. От миски исходил аппетитный, дразнящий запах. Осторожничая, она ещё некоторое время оставалась на месте, но, не выдержав пытки голодом, подошла. Так и есть – это белое пахнет почти так же, как и молоко матери и, следовательно, это можно есть. Но как? Джесси засунула нос в молоко и попыталась потянуть в себя, но поперхнулась и быстро отдернула голову. Однако на кончике носа, на крохотных усиках, на шерстке верхней и нижней губы осталось немного молока; она облизнулась – вкусно. Джесси опять обмочила в молоко нос и опять облизнулась, затем повторила это еще несколько раз. И вскоре поняла, что совсем необязательно засовывать в молоко нос – можно только язык. Она стала делать лакающие движения языком все быстрее и быстрее, и вскоре, сытая и довольная, лежала на подстилке и сквозь дрёму наблюдала, как и другие щенки постигают ту же науку.

Шло время, и как-то раз в комнату вместе с хозяйкой вошёл незнакомый человек. Опережая других щенков, Джесси бросилась к ним, – ведь зачастую появление хозяйки означало, что она нальет в миску молока. Джесси так спешила, что её передняя лапка подвернулась и, перекувырнувшись, она со всего размаха ткнулась мордочкой прямо в ботинок незнакомца, – тот рассмеялся, взял её на руки и, держа перед собой, сказал:

– Ну, что ж, Лидия Степановна, по-моему, мы оба сделали свой выбор. – И поднес Джесси к самому лицу.

Она впервые увидела человека так близко, и её сердечко от страха забилось сильнее. Но что-то ей, совсем еще крохотной и несмышленной, подсказывало, что человек этот – не враг, и не сделает ей ничего плохого; а то, что он так высоко поднял её, так это он, наверное, предлагает поиграть с ним. И от большой щенячьей простоты Джесси лизнула его в нос. Незнакомец рассмеялся.

– Вот видите, Лидия Степановна, и объяснение в любви состоялось, – сказал он. И, обращаясь к Джесси, продолжил: – Малышка, ты мне тоже очень нравишься, вот только лизать я тебя не буду.

Не выпуская Джесси из рук, незнакомец повернулся к хозяйке; они о чем-то поговорили, и хозяйка взяла её на руки.

– Ну, что, моя хорошая... – сказала она ласковым голосом. – До свидания. Теперь у тебя будет свой дом, охраняй его, хозяев своих слушайся, кушай, что дадут, не привередничай.

Закончив напутствие, хозяйка поцеловала Джесси в её прохладный носик и возвратила незнакомцу. Джесси уже порядком надоела эта процедура с передачей из рук в руки. Да и к тому же ей хотелось назад, к другим щенкам, которые, убедившись, что хозяйка молока не принесла и миска пуста по-прежнему, вернулись в свой угол и продолжили весёлую возню. И она, повизгивая и изгибаясь, стала выворачиваться из рук незнакомца. Тот опять засмеялся.

– Ну, уж нет, довольно, погостила тут и хватит, пора и честь знать. – И, прижав её к груди, направился вслед за хозяйкой к выходу.

Улица обрушилась на Джесси лавиной незнакомых звуков и запахов. Перепуганная, она прижалась к незнакомцу и притихла, и, наверное, в эту минуту поняла, что человек этот в её

жизни теперь самый главный и никому не даст в обиду. Гена – так звали незнакомца, подошел к автомобилю, стоявшему рядом с домом, открыл дверцу, сел, осторожно положил Джесси рядом с собой на пассажирское сиденье, завел двигатель и посмотрел на неё. А она уже стала привыкать к перипетиям этого дня и довольно спокойно лежала на сиденье, не сводя с него черных блестящих глаз-миндалин. Гена тронул автомобиль с места; шум двигателя и покачивание машины убаюкали Джесси и вскоре она заснула, проснувшись от того, что автомобиль остановился.

– Вот мы и приехали, – сказал Гена.

Взял Джесси на руки, вышел из автомобиля, направился в сторону высокого дома и опустил её на землю возле лавочки у подъезда. Кругом были чужие, неизвестные Джесси запахи, а совсем рядом проходили незнакомые люди. От страха она некоторое время оставалась без движения. Но вскоре, движимая природным любопытством, принялась тщательно обнюхивать перед собой землю и, принюхиваясь, стала потихоньку удаляться от лавочки, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что тот, кто отныне стал её хозяином, рядом и она не одна. Джесси отошла от лавочки уже на довольно приличное расстояние, как вдруг из-за угла дома, в сторону которого она направлялась, выскочило рыжее лохматое чудовище и, зарывчав, бросилось на неё! От страха Джесси оцепенела, но уже спустя мгновение со всех ног улепетывала в сторону хозяина. А он уже бежал навстречу и подхватил её, всю дрожавшую от страха, на руки. Маленькая рыжая дворняжка с густой длинной шерстью, неопрятными прядями свисающей до самой земли, показавшаяся Джесси громадным злобным монстром, остановилась, твякнула пару раз для приличия и, развернувшись, с победным видом засеменила в сторону угла, откуда только что появилась. Джесси же продолжала дрожать всем телом, ей хотелось только одного – чтобы хозяин не отпускал её с рук; а он, поглаживая её, ласково успокаивал:

– Ну что ты, глупышка, испугалась так, дрожишь вся?.. Это ж не собака вовсе, а так, недоразумение какое-то... Не пройдет и полгода, как не ты от неё – она от тебя бегать будет!

Тут в окне первого этажа открылась нижняя форточка, и в ней показалась молодая женщина.

– Гена, ну, что ты там? Я уже заждалась, а ты все не идешь и не идешь! – с наигранным недовольством произнесла она.

– Иду, Анечка, уже иду! – улыбнулся ей Гена и с Джесси на руках направился к двери.

Они зашли в прохладный подъезд, поднялись по ступеням и едва подошли к двери квартиры, как та открылась. На пороге стояла женщина, которую Джесси только что видела в окне.

– Ой, какая славная собачка! – восхищенно произнесла она, взяла Джесси на руки и осторожно прижала к себе.

И вновь своим крохотным, трепетно бьющимся сердечком Джесси ощутила, что эта женщина тоже не даст её в обиду.

Шли дни. Джесси росла ласковой и добродушной, словно впитывая в себя царящую в доме атмосферу добра и любви. В особенности она привязалась к хозяину и, забавно переваливаясь с боку на бок, бегала за ним по всей квартире и всякий раз ударялась об его ноги, когда он внезапно останавливался. А если хозяин садился на диван или на кресло, она вставала на задние лапки и, упершись передними в его ноги, принималась жалобно поскуливать. Хозяин поднимал её с пола, укладывал себе на колени, и Джесси, свернувшись калачиком, сладко засыпала. Однажды Гену отправили в служебную командировку. Небольшой городок, куда ему надлежало отбыть, находился километрах в ста, и чтобы не терять время, он поехал на своем автомобиле, рассчитывая, управившись с делами за день, к вечеру быть уже дома. Но, как это зачастую бывает, появились непредвиденные обстоятельства, и ему пришлось задержаться еще на два дня. Аню Гена предупредил по телефону, но как об этом можно было сказать Джесси? И не дождавшись хозяина к вечеру, она стала выбегать в прихожую всякий раз, когда

слышался хлопающий звук закрывающейся парадной двери, в надежде, что вот-вот услышит на площадке знакомые шаги. Так она, чуть склонив голову набок, стояла некоторое время, но, так и не услышав шагов хозяина, уныло плелась на свое место. Ночь она не спала, вскидывая голову на каждый стук парадной и, горестно вздохнув, вновь опускала её. На следующий день Джесси потеряла интерес к еде – даже к небольшим вкусным шарикам, столь аппетитно хрустевшим на её острых зубках и, забившись за кресло, что стояло в углу комнаты, уже не выбегала в прихожую на звук парадной, а неподвижно лежала, положив мордочку между передними лапами. (Эта поза навсегда останется выражением особой её грусти.) И когда Аня звала её кушать, она, не покидая своего укрытия, из вежливости, лишь постукивала хвостом о пол. Кто и чем мог бы измерить глубину её печали? Наверняка еёхватило бы, чтобы в ней утонул весь мир. И только когда за окном слышался шум проезжающего мимо автомобиля, Джесси поднимала мордочку, но обреченно вздохнув, опускала обратно. Это был звук не того автомобиля, на котором ездил хозяин. Этот звук она узнала бы из тысячи. К вечеру третьего дня квартира огласилась звонким щенячьим лаем. Это он, он! Это шум его машины. Джесси подбежала к окну, встала на задние лапы, но была ещё слишком мала, чтобы дотянуться передними даже до края подоконника. Аня подхватила её и поставила на широкий подоконник. И Джесси увидела своего хозяина, идущего к дому и махающего им рукой, и когда он зашёл в подъезд, спрыгнула с подоконника и, пробороздив носом ковер, бросилась в прихожую, следом за ней спешила Аня, а в дверь, тем временем уже входил Гена. Он поцеловал Аню, высоко приподнял радостно повизгивающую Джесси, и она, как тогда, в первую их встречу, прямо перед собой увидела его глаза. Хозяин говорил что-то ласковое, и счастьем Джесси не было предела. А когда он опустил её на пол, бросилась в комнату, схватила зубами свою любимую игрушку – резинового ежика, быстро вернулась и бросила его на пол прихожей у его ног. Что она хотела этим сказать? Возможно что: «Вот хозяин это самое дорогое, что у меня есть, бери, играй, и мне совсем, совсем не жалко».

Джесси ненавидела вешалку, что стояла у двери. Именно к ней подходил хозяин перед тем, как уйти из дома. Поэтому вешалка была для неё символом разлуки. Джесси ещё не различала предметы по тому, одушевленные они или нет, а воспринимала их так, как они проявляли себя в её жизни. Вот, к примеру, кресло было добрым: хозяин часто отдыхал, сидя в нём, а она дремала у его ног; стол на кухне тоже был добрым: под ним она частенько хрустела вкусными косточками, которыми её угощали. А вот обувь, особенно же ботинки, были злыми, и так же, как и вешалка, олицетворяли расставание. Хозяин всегда надевал их прежде, чем уйти. И вот однажды ночью, когда все спали, Джесси на брюхе, крадучись подползла к одному из них, – мало ли что тот выкинет, ведь он же злодей! И, тихонько рыча, принялась рвать его зубами. Расправившись с одним, не оказавшим, впрочем, никакого сопротивления, она принялась за другой. Хозяин, наутро обнаружив растерзанные ботинки, ухватил её за загривок и протащил в прихожую. «Нельзя! Нельзя!» – несколько раз громко проговорил он, держа разодранный башмак перед её носом. Джесси понимала, что провинилась, потому что в голосе хозяина была строгость; вот только в чем её вина, она не знала, ведь ночной эпизод с ботинками уже напрочь выветрился из её памяти. С Джесси и раньше строго разговаривали, чаще это случалось, когда она, разыгравшись, принималась драть зубами шторы и обои. Но на этот раз не обошлось лишь разговором. Строго отчитав, хозяин пару раз стеганул её поводком по задку. Джесси забилась за кресло. У неё не было злости, – в любящем сердце ей нет места, но ей было обидно. Она лежала, положив голову промеж передних лап, а когда обида достигала предельной точки, тяжело вздыхала. Она не вышла на кухню, хотя слышала, как Гена и Аня сели завтракать, и впервые не вышла в прихожую проводить хозяина на работу, а лишь в очередной раз печально вздохнула, услышав, как за окном завелся двигатель его автомобиля. А когда Аня позвала её, чтобы покормить, отвернула морду в другую сторону. Так, почти не дви-

гаясь, она пролежала весь день. И лишь чуть повела ушами, услышав в конце дня знакомый шум подъезжавшего автомобиля. Даже звук захлопнувшейся автомобильной дверцы, казалось, не произвел на неё никакого впечатления, только внимательный взгляд заметил бы, как чуть дрогнул кончик её хвоста. Поздним вечером она все же покинула свое укрытие и с опущенной головой поплелась на кухню, едва вильнула хвостом на приветливый оклик хозяина и улеглась под столом. И хотя всем своим видом Джесси показывала, что совершенно не согласна с тем, как с ней обошлись и категорически против такого обращения в дальнейшем, на самом деле она давно уже жаждала общения. Её сердце не могло долго хранить обиду.

Джесси росла, выправляясь в высокую и красивую овчарку. На прогулку её обычно выводили на пустырь за домом. Но к концу весны хозяин стал брать её с собой на берег озера. Они шли некоторое время по городским улицам, выходили к озеру и спускались к нему по тропинке вниз. Там Гена отпускал Джесси с поводка, и она принималась носиться вдоль берега; и довольная набегавшись, подняв над собой тучу брызг, затем с шумом бросалась в камыши, обрамлявшие озеро широкой зеленой каймой и, резво выскочив на травянистый берег она принималась отряхиваться, сея вокруг себя мелкие брызги и водяную пыль, и отряхнувшись, мчалась со всех ног к хозяину. Или же убегала по берегу далеко вперед, чтобы спрятаться в кустах, густо растущих вдоль тропинки и, дождавшись, когда хозяин поравняется с ней, выскочить прямо перед ним. И почти всегда хозяин говорил: «Ах, Джесси, ах, проказница, как же ты меня напугала!» Это было весело – на самом деле она прекрасно знала, что хозяин шутит; а ей просто был нужен повод, чтобы обратить на себя его внимание. И Джесси радовалась, когда ей это удавалось.

Гена родился в небольшой деревушке, похожей на тысячи других, разбросанных по бескрайним просторам огромной страны, схожих своими проблемами, заботами, да и радостями, наверное, тоже. Родители уходили из дома с рассветом и почти без выходных пропадали на колхозной работе. Отец работал механизатором, мать – дояркой. До семи лет он рос под присмотром бабушки. Бабушка редко сидела без дела, взгромоздив, в отсутствие сына и невестки, на свои старческие плечи все заботы о домашнем хозяйстве. А долгими зимними вечерами – вязала, устроившись на стареньком диване. Вязала бабушка споро, и маленькому Гене нравилось смотреть, как из-под мелькающих спиц, медленно разматывая клубок пряжи, появлялись либо носок, либо варежка. К тому же, бабушка знала много сказок. И Гена, примостившись рядом с ней на диване, затаив дыхание, слушал как тихо, чуть нараспев рассказывает она очередную сказку: то про доброго и простоватого медведя, то про злобного волка или же про хитрую лису и трусливого зайца и, засыпая под её убаюкивающий голос, он и во сне часто продолжал видеть их... Рядом с бабушкой Гена тоже всегда был при деле – вместе с ней кормил огромного хряка, который, громко чавкая, жадно хватал куски из корыта; сбрасывал с сеновала сено в ясли добродушной и медлительной в движениях корове Зорьке, которая так и норовила лизнуть Гену в лицо своим большим шершавым языком, когда он, спустившись с сеновала, поправлял в яслях сено. Носил на вилах сено овцам в сарайчик. Они были ужасные попрошайки. И у бабушки для каждой из них и для Зорьки тоже, в карманах её старенького плюшевого жакета, всегда были гостинцы – кусочки черного хлеба, густо посыпанные солью.

– Они, как и люди, внимание любят да заботу, а соль для них – первое дело. Вкус хлеба могут и забыть, а вкус соли – никогда, – поучала она маленького Гену.

Гена с отличием оканчивал начальную школу, а другой в деревне и не было. Учебу ребятки продолжали уже в селе – за семь километров от деревни. Отвозили их в село и привозили обратно на колхозном автобусе. Брат же отца – Михаил Иванович – со своей женой Людмилой жили в городе, были бездетны и не раз просили, чтобы Гена приехал продолжить учёбу к ним. Петр Иванович – отец Гены – поначалу относился к этому предложению несерьезно; но в последнюю зиму старенький автобус не раз ломался в пути и иззябших детей вывозили на

лошадях, запряженных в розвальни – тогда Петр Иванович и стал всерьёз подумывать о предложении брата. Сам он, еще будучи подростком, мечтал выучиться на инженера-строителя, жить в городе и строить большие каменные дома. Да только иначе развернула его жизнь... Пришел со срочной и совсем уже, было, собрался в город ехать, поступать в строительный институт, да повстречал в клубе, на танцах Валюшку, на которую до службы и внимания-то не обращал. Была она худеньким и невзрачным подростком, а за два года, пока он срочную тубил, выровнялась в высокую и статную девицу. И поразила Валюша своим синеоким взглядом гвардии старшину запаса, отличника боевой и политической подготовки, да и просто героического парня, прямо в сердце; и уже не представлял он своей жизни без неё. Она же о том, чтобы в город переехать, даже и слышать не хотела. Покорился ей – видно, доля такая – Родину кормить. А о сыне сказал так, что не к чужим людям едет. Пусть, мол, отучится, образование получит, профессию, а дальше сам решает, где ему жить – в городе ли оставаться, или же в деревню домой возвращаться.

– Чтобы, значит, выбор у парня был, а не так, будто ветром понесло, – сказал, словно благословил сына.

Матери же решение это далось тяжело. По утрам прятала она от мужа глаза, красные от слез и бессонной ночи. Но убедительные доводы супруга точили камень её упорства.

– Не навек же, мать, прощаемся, на каникулы приезжать будет. А соскучимся, так и сами к Михаилу с Людмилой в гости наведемся, – увещевал он.

Месяц прошел, прежде чем смирилось материнское сердце – отпустить свое единственное чадо. А бабушка – та до конца так и не верила в отъезд любимого внука. Надеялась, что выкинет блажь эту сын из головы. Но вечерами как никогда долго засиживалась на своем уютном диванчике с вязаньем в руках. Вязала бабушка подарок внуку – белый пушистый свитер, смахивая слезы старческой рукой. Гена же с трудом представлял свою жизнь без родителей, без бабушки, без того, что было так близко и дорого его сердцу. Но и незнакомый город, о котором он знал лишь по рассказам отца, уже рисовался в детском восприимчивом воображении сказочными радужными красками, звал, манил своей волнующей неизвестностью. И малопомалу грёзы о загадочном городе перевесили привязанность к дому, и он уже с нетерпением ждал того дня, когда уедет из деревни. Быстро, – одним днем, пролетели летние каникулы, и за две недели до начала занятий отец отвез его в город, к родне. Перед отъездом Гена попрощался со всей дворовой живностью, угощая хлебом. Погладил Шарика – маленькую кудлатую дворняжку, зашел в загончик к овцам, проведаль хряка Борьку. А когда попрощался с Зорькой, она, как бы понимая, что происходит, с выражением большого участия все-таки исхитрилась, и лизнула его в лицо. Утершись рукавом, Гена вышел во двор и высыпал остатки хлеба перед большим белым петухом со свесившимся на бок мясистым алым гребнем. Тот, выгнув шею, стал гордо расхаживать взад и вперед, созывая кур каким-то особым петушиным токованием; и, только убедившись, что они сбежались на его зов, принялся деловито клевать крошки вместе с ними...

Джесси была не простой, обыкновенной собакой, а с родословной. То есть её родители были признаны полностью соответствующими своей породе. Иными словами, в жилах Джесси текла кровь настоящих немецких овчарок, предназначением которых было служение людям; и этот инстинкт, развитый через многие поколения породы, сделал этих собак верными и преданными помощниками человека. А так как Джесси вдобавок к этому была еще живой и любознательной от природы, то можно представить, что это была за собака. К тому же она была весьма способной, легко усваивала дрессировку, и к шести месяцам уже знала с десяток команд. А если чего-то не понимала, изо всех сил старалась угодить и сделать то, чего от неё хотят, дабы заработать похвалу, которая была для неё превыше всяких угощений. Однако если её усилия были тщетными, начиналась следующее: она прижималась к земле, не сводя при

этом с хозяина преданного взгляда, размахивала из стороны в сторону хвостом, затем вдруг резко вскакивала и начинала носиться возле него, подбегая и отбегая. Это означало, что он не понят и урок придется повторить. Но если Джесси делала все правильно и слышала в голосе хозяина одобрение, её радости не было предела.

Жизнь сложна и весьма запутанна. Но, возможно, собаки воспринимают её проще, ведь она зачастую сама же и расставляет для них приоритеты. Джесси с молоком матери впитала в себя главную собачью заповедь – человек в её жизни самый главный, его трогать нельзя. Будь он даже очень маленький, например как те, что кричат и бегают друг за другом под окнами дома. Их поведение и вид были для неё странными и непонятными. Будучи щенком-подростком, она несколько раз пыталась вступить с ними в игру, но те начинали кричать еще громче, и хозяин строго подзывал её к себе. В конце концов, она просто перестала обращать на них внимание. Джесси знала, когда нужно рычать, когда лаять, а когда, если надо, то и зубы в ход пустить. Это когда тем, кого судьба вверила ей охранять, угрожает опасность. Во время прогулок она особенно внимательно наблюдала за другими собаками. А собаки были разные – добрые и совсем не опасные, но были и такие, от которых исходила потенциальная угроза. Но разве воспитанная собака, такая как Джесси, будет бросаться на других собак без видимой причины? Хотя, если честно, иногда ей этого ой как хотелось! Особенно, когда такие собаки близко подходили к Гене или Ане. И каждый раз в таких случаях она вся подбиралась изнутри, с трудом оставаясь спокойной внешне, и только цепкий, оценивающий ситуацию взгляд и едва заметное нервное подёргивание кончика хвоста выдавали её внутреннее напряжение. В особенности Джесси не любила низкорослого, с широко расставленными лапами бультерьера, который жил в их подъезде двумя этажами выше. Весь его вид был явной демонстрацией свирепой агрессии, по крайней мере, так ей казалось. Иногда он подходил очень близко. И тут уж Джесси ничего с собой поделать не могла; шерсть на её загривке вставала дыбом и, ощерив клыки, она принималась угрожающе рычать. Но бультерьер, будучи собакой бойцовской породы, презирал мелкие уличные скандалы и, окинув её равнодушным взглядом, не спеша проходил мимо с таким видом, будто он знает то, что неведомо другим. Зато Джесси, позорно поджав хвост от страха, неслась к хозяину всякий раз, когда появлялась маленькая рыжая дворняжка, так сильно напугавшая её, когда она впервые появилась в этом дворе. Хозяин же, ласково поглаживая Джесси, приговаривал:

– Ну, что же ты, дуреха! Бультерьера, почти что крокодила, не боишься, а этой пигалицы испугалась. Да ты же раз в пять больше, чем она!

Джесси успокаивалась, и ей становилось стыдно – поникшая голова и виновато опущенный хвост были тому свидетельством. Впрочем, Джесси всегда было стыдно, когда что-то заставляло её забывать о своих хозяевах и о своей ответственности за их безопасность. Ведь без этих людей жизнь потеряла бы для неё всякий смысл.

Тропинка, петляя по берегу озера, поднималась на пригорок, и оттуда было хорошо видно, как, плавно замыкая огромное водное кольцо, заканчивается озеро. Внизу, за пригорком, в низине, начинались дома, утопающие в зелени садов. Дома были большие, красивые; в большинстве – крытые красной черепицей, некоторые отсвечивали светло-серым шифером; среди них редко красной и зеленой краской пятнились дома под жостью. Гена и Джесси подходили к одному из домов, крытых черепицей, Гена открывал калитку в высоком, покрашенном в зеленый цвет дощатом заборе, и Джесси быстренько, вперед хозяина, шмыгала в калитку и сразу же бежала к Дамке. Дамка – забавная, мирная собака, помесь колли и дворняжки, по виду больше похожая на колли; но дворнягу в ней выдавали веселый уживчивый нрав, менее короткий, чем у колли, нос и более темный окрас шерсти. Днём большую часть времени Дамка проводила в вольере с высокими железными прутьями и просторной конурой внутри. Увидев

Джесси и Гену, она начинала бегать по вольтеру и радостно повизгивать, всем своим видом показывая, как она рада встрече. Гена открывал вольтер, Дамка выбегала, и они с Джесси принимались кружить по двору, напрыгивая и играючи покусывая друг дружку. Заканчивалось это обычно тем, что Джесси делала ревизию в вольтере и по-дружески подьедала все, что было в Дамкиной миске. Впрочем, Дамка, бывая в гостях у Джесси, делала то же самое. Да это как-то и принято – угощать друзей, так что никаких претензий по этому поводу они друг к дружке не имели. Кроме Дамки здесь жили Нина Яковлевна, пожилая подвижная женщина, и её дочь Даша. Джесси видела, что Даша очень походит на Аню, только голос у неё другой, и пахнет она не так. Но даже и без этого Джесси уже знала, что двух одинаковых людей, впрочем, так же, как и собак, не бывает. Даша действительно была похожа на Аню, даже больше – она доводилась ей сестрой. А это был их родительский дом, широкий и просторный, построенный еще дедом. Из окон дома виднелось озеро и другой его берег, где вперемешку с невысокими березками росли каштаны, широко и живописно раскинув ветви, высились шелковичные деревья. На небольших полянах между деревьями густо зеленели заросли дикой розы. И с трудом представлялось, что через три-четыре сотни метров от этой первозданной идиллии проходит оживленная автомагистраль многотысячного промышленного города, пыхающая смрадом выхлопных газов.

Собаки не умеют мыслить последовательно, их поведение больше основано на инстинкте, опыте или на том, что развито дрессировкой. Джесси любила слова; впрочем, не все. Ей очень нравилось слово «Гена». Некоторые люди произносили его на свой лад – «Геннадий». Это слово обозначало её хозяина. И даже в его отсутствие, услышав «Гена» либо «Геннадий», она начинала радостно размахивать хвостом. Слова «Гена», «Аня» и некоторые другие олицетворяли собой конкретных людей, и когда она слышала их, в её сознании появлялся образ определенного человека. Она очень любила слово «гулять», и как только Гена или Аня, обращаясь к ней, говорили: «Джесси, гулять!», живо бежала в комнату, хватала зубами поводок, который обычно висел на спинке стула, и спешила обратно. Еще она любила слово «кушать». И когда оно звучало, знала, что сейчас ей в миску положат что-то вкусное. Иногда это была каша из кастрюли, а иногда – аппетитные хрустящие шарики из большого бумажного пакета. Джесси знала, где он лежит, и однажды, проголодавшись, слегка потянула на себя зубами ручку дверцы шкафчика. Дверца легко поддалась, она вытянула пакет зубами, без особых усилий разодрала его, вдоволь наелась, а оставшийся корм разбросала по кухне. Затем, отяжелев от еды, прилегла на коврик вздремнуть. О том, что было дальше, Джесси вспоминала впоследствии всегда с большой неохотой – лишь тогда, когда у неё вновь появлялось желание повторить то, что она уже сделала однажды. А тогда хозяин взял её за ошейник, протащил из комнаты в кухню и, показывая пальцем на разодранный пакет и разбросанный корм, несколько раз очень строго проговорил «Нельзя!» и, ударив напоследок ладошкой по задку, отпустил. Джесси, оскорбленная до глубины души, но вполне принимая наказание как заслуженное, поплелась в комнату. Такое, чтобы её били, случалось редко, возможно, всего пару раз – тогда, когда она грубо попирала границы слова «нельзя». Ведь, если честно, это самое «нельзя» звучало в её сознании когда, она открывала дверцу шкафа, рвала зубами пакет, когда ела и раскидывала корм по полу. Слово «нельзя» было самым нелюбимым словом Джесси, и всегда стояло перед ней, как заслон её воле. Да, и если честно – кому это нравится, когда чего-то очень хочется, а тебе говорят «нельзя»?.. А вот слово «домой» нравилось Джесси в зависимости от обстоятельств. Например, если на улице было ясно и тепло, а звучала команда «домой», ей это не нравилось. Когда же было холодно, сыро и моросил дождь, команда «домой» звучала для неё как спасение от этой мерзопакостной погоды.

Раз в год Гена и Аня ездили в деревню к родителям. В этот раз, на полных правах члена семьи, удобно устроившись на заднем сиденье автомобиля, с ними была и Джесси. Пока ехали

по городу, она с любопытством смотрела в окно, но вскоре они миновали деревянный пригород, и за окном потянулись бесконечные поля. Мелькание однообразного пейзажа вскоре утомило её, и Джесси, растянувшись на сиденье, задремала. По дороге несколько раз останавливались, она выскакивала из автомобиля и принималась носиться вокруг: всё новое радовало её; однако, едва заслышав команду хозяина «Джесси, ко мне!», бегом возвращалась к машине – не очень-то ей хотелось оставаться одной, да ещё и в совершенно незнакомой местности. К вечеру они приехали в деревню. Родители Гены – Валентина Степановна и Петр Иванович – гладили Джесси, разговаривали с ней ласково, приветливо, и она сразу поняла, что это свои в доску люди. Ночь она провела у кровати Гены и Ани. Громко, непривычно тикали на стене ходики, дом был полон незнакомых шорохов и звуков. Джесси поднимала голову с передних лап, тревожно прислушивалась, но, не услышав ничего, что угрожало бы безопасности хозяев, опускала обратно, чуть дремала, и вот уже новый незнакомый звук заставлял её вновь тревожно вскидывать голову.

Рано утром, не дожидаясь, пока проснутся хозяева, она подошла к двери и слегка надавила на неё лапой. Дверь поддалась. Джесси протиснулась в образовавшуюся щель и оказалась в сенях – неотапливаемой дощатой пристройке к дому. И проделав то же самое с дверями сеней, оказалась на крыльце и то, что она увидела, поразило её воображение. По всему двору, как ни в чем не бывало, расхаживали какие-то странные, доселе невиданные ею существа. Они были небольшого роста, с маленькими головками и все разного цвета. Появление Джесси несколько не смутило их – они, как ни в чём ни бывало, продолжали разгуливать по двору, не проявляя к ней ни малейшего интереса и, внимательно рассматривая перед собой землю, изредка что-то поклевывали. Джесси вначале оторопела, но уже через мгновение, ведомая врожденным охотничьим инстинктом, прижимаясь к ступенькам крыльца, стала медленно спускаться вниз. Прыжок! И она схватила одно из этих наглых созданий за куцый хвост. Существо, отчаянно закудахтав, вырвалась из зубов Джесси, оставив, однако изрядную часть своего хвоста в её пасти и, продолжая кудахтать еще громче, забегало по двору. Остальные разбежались в разные стороны, оглушительно и возмущенно кудахча каждое на свой лад. Джесси, ошеломленная этим несусветным гвалтом, с перьями, торчащими из пасти, растерянно озираясь по сторонам. На шум вышел Петр Иванович и, обзрев представшую перед ним картину разбойного нападения, немедленно крикнул:

– Джесси, нельзя! Ко мне!

Но к этому времени Джесси уже и сама поняла, что вляпалась во что-то очень нехорошее. Поэтому, фыркая и отплевываясь, беспрекословно взбежала на крыльцо. Петр Иванович опустился перед ней на корточки и, поглаживая её по голове, стал говорить ровным спокойным голосом:

– Джесси, хорошая моя, это же курицы, домашняя животи́на, их трогать нельзя, они – свои.

И Джесси прекрасно его поняла: эти нахальные существа хоть и выглядят весьма странно, но живут здесь на полном законном основании, и поэтому трогать их нельзя. Да и по опыту она уже знала, что с этими скандалистками лучше не связываться. Джесси смотрела на отца Гены преданным взглядом и словно говорила: «Честное слово, Петр Иванович, больше не буду!» и улыбалась ему своей большой доброй собачьей улыбкой. Позже, когда все сели завтракать, Джесси тоже налила молока в большую миску. Она хорошо знала, что такое молоко: оно могло быть вкусным и жирным или наоборот – пресным и водянистым. Это молоко было очень вкусным. Она быстро опустошила миску, тщательно вылизала её и вопросительно глянула на хозяйку дома, мать Гены, безошибочно угадав, что именно она является распорядительницей пира. Валентина Степановна, уловив её взгляд, спросила:

– Что, Джесси, еще молочка хочешь?

Джесси завиляла хвостом, что на её языке означало: «Да, и даже очень». Ей налили еще, и когда она управилась с добавкой, в миску положили каши с мясом. Она съела все с большим удовольствием – куда до такой еды хрустящим комочкам из пакета!

После завтрака Гена вышел во двор. Джесси не отставала от него ни на шаг. Вместе они навестили Зорьку. Конечно же, это была уже не та Зорька, с которой когда-то попрощался маленький Гена, а её внучка, но она как две капли воды походила на свою бабушку. А когда Гена угостил её хлебом, лизнула его в лицо в точности так же, как та Зорька – мягко, ласково и влажно. В сарайчике, как и раньше, блеяли овцы, а в сарае рядом чавкал, выхватывая из корыта вареную картошку, огромный хряк. И только конура Шарика оставалась пустой, – он давно умер, а другой собаки в хозяйстве так и не завели. Не было и бабушки. Уже прошло три года, как её не стало, хотя все кругом по-прежнему напоминало Гене о ней. И Джесси видела, что хозяин грустит. А это плохо. Когда грустят – всегда плохо. И, пытаясь развеселить, она легонько потянула его за штанину, затем отскочила и припала на передних лапах к земле, озорно глядя на него. Так Джесси обычно приглашала его поиграть. Но хозяин лишь улыбнулся, шутливо погрозил ей пальцем и ушел в дом. Она легла в тень в углу двора, положив морду на землю промеж передних лап, но её глаза продолжали внимательно следить за дверью. А вдруг хозяин появится на крыльце, хлопнет себя рукой по ноге и крикнет: «Джесси, ко мне!», и они начнут бегать по двору, стараясь поймать друг друга...

В деревне они пробыли больше трех недель. Это время запомнилось Джесси вкусной едой, частыми прогулками в лес, где Гена и Аня собирали абсолютно несъедобные с её точки зрения грибы, а она носилась по лесу, вспугивая и облаивая маленьких рыжевато-серых зверьков, шустро снующих по деревьям. И ещё – походами на речку. В обычных излюбленных деревенскими ребятишками местах для купания всегда было шумно илюдно; они шли вниз по течению, до широкой и глубокой излучины. Хозяин заплывал на середину излучины и вдруг внезапно исчезал под водой. Джесси в панике начинала метаться по берегу, затем, не выдержав, одним прыжком кидалась в воду, быстро работая лапами, плыла и, тревожно повизгивая, крутилась на том месте, где исчез хозяин. А он с шумом выныривал совсем в другой стороне. Джесси снова плыла к нему, но хозяин опять исчезал под водой в тот самый миг, когда ей казалось, что она вот-вот настигнет его. Так продолжалось до тех пор, пока Гена не замечал, что Джесси устала. Тогда он выходил на берег, Джесси тотчас выскакивала из воды, отряхивалась, орошая все вокруг себя тучей мелких серебристых брызг и радостная, подбегала к нему.

Если слегка потянуть на себя лапой калитку и прошмыгнуть в образовавшуюся щель, то можно попасть в огород. В конце огорода, – на полоске земли, не засаженной картошкой, густо растет трава, а в траве сидит множество маленьких кузнечиков. Кузнечики сидят тихо и, сливаясь с зеленью травы, совершенно незаметны. Но стоит Джесси сделать шаг, как они стремительно подпрыгивают перед самой её мордой и отскакивают далеко в сторону. Ловить их было весьма увлекательно. Джесси замирала на месте и, склонив набок ушастую голову, внимательно рассматривала перед собой траву, затем прыгала вперед и, кляца зубами, старалась схватить выскакивающих насекомых. Поймать их удавалось редко, зато азарта было – хоть отбавляй. Однажды, полностью предавшись этой забаве, Джесси вдруг услышала доносящийся со стороны двора знакомый звук работающего автомобильного двигателя. Пока она, наострив уши, прислушивалась: действительно ли это так, пока бежала по огороду, протискивалась в калитку, автомобиль уже выехал на улицу и скрылся за поворотом дороги! Отчаянье, страх, обида – все смешалось в одну тревожную гамму. Оставили, уехали без неё, забыли! И Джесси, что есть сил, несмотря, что её несколько раз окликнул Петр Иванович, рванулась в открытые ворота вслед за машиной. Из дома на крыльцо выбежала Аня.

– Джесси! Джесси! – несколько раз громко крикнула она. Джесси остановилась, разрываясь между желанием продолжить погоню или возвратиться к Ане, но уже в следующее мгно-

вание сорвалась вслед удаляющемуся автомобилю. Быстро добежала до поворота дороги, но автомобиль уже исчез за другим. И она, прижав уши, глотая поднятую автомобилем пыль, помчалась следом. Что руководило ею в этот момент – страх или любовь? Трудно сказать...

Гена хоть и был хорошим водителем, ездил осторожно, не лихачил. Поворот, еще поворот. Дорога шла через пшеничное поле. Впереди – длинный спуск. Гена выключил двигатель, и машина накатом пошла вниз. Поле осталось позади, впереди в низине широко раскинулся скошенный пойменный луг; зеркальцами отсвечивали небольшие озерца, по краю луга, вдоль реки, зеленой каймой пушился густой ивняк. Уже в конце спуска Гена взглянул в зеркало заднего обзора и увидел, как из-за кромки пшеницы на уклон дороги выскочила Джесси. Она неслась по всем правилам собачьего аллюра – отставив хвост и вытянувшись, казалось – стлалась над землей.

– О, Боже! – только и проговорил он и, притормаживая, съехал на обочину.

Джесси не сбавляя скорости, стремительно неслась вниз. Гена вышел из машины и пошел ей навстречу. Не добегая до хозяина, Джесси сбилась на рысь, а приближаясь, и вовсе затрусила мелкими шажками; помахивая хвостом, но все же с чувством некоей вины, она подошла к хозяину.

– Ну, что ж ты, а, чудо гороховое... Не могла дома посидеть, да? – беззлобно отчитывал её Гена, поглаживая по пыльному загривку.

Она, изогнувшись, лизнула ему руку и посмотрела преданным взглядом, что вполне могло означать: «Ну, не могу я без тебя, хозяин!». К вечеру они возвратились из соседнего села, куда Гена ездил навестить родственников. После непривычно долгой пробежки Джесси чувствовала себя усталой. Она тяжело выпрыгнула из машины и поплелась в сени, где спала на стареньком половичке. Утром, вопреки тому, как это было уже заведено у них, она не сопровождала Валентину Степановну, когда та с ведром в руках шла доить Зорьку, а лишь проводила её тусклым взглядом, даже не подняв головы. Это было непривычно, поскольку уже стало традицией, что, когда Валентина Степановна доит корову, Джесси сидит рядом и внимательно слушает, как начинают звенеть первые упругие струйки о дно пустого ведра. Когда дойка подходила к концу и звук струек, по мере наполнения ведра, становился всё глуше и глуше, она начинала нетерпеливо перебирать передними лапами, зная, что, закончив дойку, Валентина Степановна нальёт ей в миску парного молока. И дело было не в том, что Джесси поленилась. Лишь только рано утром в доме послышались шаги и позвякивание пустого ведра, она попыталась встать и как всегда встретить хозяйку у двери, но даже небольшое движение причинило ей острую боль. Джесси все же поднялась на дрожавшие от напряжения лапы, но тут же легла. Лапы и все тело были словно налиты свинцовой болезненной тяжестью; жаром пылали подушечки лап. Подоив корову, Валентина Степановна принесла миску с молоком и поставила рядом. Джесси лишь потянула носом, но к молоку не притронулась. Чуть позже подошел Петр Иванович и потрогал ей нос – он был сухой и горячий.

– Э-э, милая, да ты, никак, после вчерашней-то пробежки слегла, – то ли спросил, то ли сделал он свое заключение. – Ну, да ничего, – продолжил он успокаивающе, – это с непривычки, скоро пройдет.

Он погладил её и ушел. Но вскоре вернулся с баночкой гусяного жира, и натер им подушечки ноющих лап. Джесси тут же облизала их. Жир был вкусный. Так и пролежала она весь день, лишь провожая взглядом проходящих мимо. Да иногда с трудом привставала на дрожащие ноги, чтобы полакать воды из миски, которую Гена заботливо поставил рядом с половичком. Он и Аня подолгу сидели возле неё на корточках, гладили по голове и что-то говорили. Джесси знала, когда её ругают, когда хвалят, а когда просто разговаривают. Сейчас она понимала, что её жалеют, и собачье сердце переполняло счастье. Она тихонько поскуливала и пыталась лизнуть гладящие её руки. Ночью Джесси, повизгивая от боли, перебралась в пустую конуру Шарика. Ведь давно известно, что больная собака интуитивно ищет укромное место.

Два дня она не прикасалась к еде, лишь, с трудом покидая конуру, лакала воду из миски. На третий – чуть отведала молока, а уже на следующее утро сидела у крыльца, дожидаясь Валентину Степановну. Так постепенно она стала той же Джесси – озорной и игривой, и по-прежнему продолжала охотиться на кузнечиков. Но всё же, в её поведении что-то изменилось. Иногда она вдруг замирала и, насторожив уши, тревожно прислушивалась. Но, не услышав звука работающего двигателя, принималась забавляться дальше.

Вскоре отпуск у Гены закончился. Распрощавшись с родителями, они выехали после обеда и к вечеру были уже дома. Лишь только хозяин припарковал автомобиль и открыл дверцу, как Джесси тут же выскочила из машины и побежала обнюхивать места, где обычно собаки оставляют свои метки, а заодно обновить и свои. Ведь это её двор, и пусть все собаки в округе знают, что она вернулась. Ночью Джесси спала на своем коврик, вытянувшись во всю длину, и что-то видела во сне. Она вздрагивала, поскуливала и иногда начинала перебирать лапами. Что ей снилось? Возможно, дом в деревне, где она прожила почти месяц, или как охотилась на кузнечиков, или что гоняется за маленькими пушистыми зверьками, проворно взбирающихся на высокие деревья. А возможно, что мчится за автомобилем по пыльной полевой дороге или – что кружится по воде на том самом месте, где только что был хозяин...

Трудно оторваться от родных корней, от всего, что так дорого твоему сердцу и начинать жить в другом, незнакомом месте, где ко всему нужно привыкать заново. Особенно это трудно, когда тебе всего десять лет. Гена скучал по дому. По ночам часто снились родители, бабушка. Снились закадычные друзья Колян и Санька, с которыми он летом целыми днями пропадал на речке. Михаил Иванович и его жена Людмила Александровна понимали, что ему трудно и, как могли, помогали, дабы он скорее почувствовал себя полноценным членом их семьи. А как это сделать? Человек ощущает себя уверенней, когда он нужен, а для этого нужно вносить какой-то вклад. Поэтому на Гену была возложена почетная обязанность ходить за покупками в булочную и молочный магазин. Да разве для него это была работа? Ведь он уже с семи лет всюю помогал отцу в колхозе! Особенно Гена любил, когда отец брал его в поле во время весенней или осенней пахоты. Ему нравилось смотреть в заднее окошко новенького желтого трактора, за рычагами которого сидел отец, на то, как лемеха плуга, подрезая, мощно переворачивают пласты густо покрытого стерней иссиня-черного чернозема. А в пору уборки хлебов он с гордостью восседал рядом с отцом на высоченном комбайне и представлял, что они на корабле, капитаном которого – отец, а он – впередсмотрящий матрос. И они плывут по волнующемуся желтому морю спелой пшеницы, где зелеными рифами разбросаны небольшие березовые островки... Мать, провожая их по утрам, заботливо укладывала в сумку еду в белом холщовом мешке, туда же клала термос с чаем и, всегда обняв его на прощание, говорила отцу:

– Смотри, Петя, помощник-то какой у нас подрастает!

Отец улыбался и теребил твердой мозолистой рукой сынишкины вихры.

– Я смотрю, ты опять со своим помощником? – спрашивал обычно Петра Ивановича бригадир, заведя их вдвоём. На что отец, подыгрывая ему, отвечал:

– Ну, а как же, Яков Лукич, без помощника-то? Без помощника никак.

Гена прекрасно понимал, что взрослые шутят, но не обижался: для него то, что он делал, это была и впрямь настоящая, серьёзная, мужская работа.

День этот начался вполне заурядно и не сулил ничего нового. Так себе, день как день. Гена как обычно, с авоськой в руках, вышел из булочной и направился в сторону молочного магазина, но только поравнялся со сквериком, что был по пути, как дорогу ему преградили трое подростков. Двое были примерно такого же возраста, что и он. А третий, – долговязый, в фуражке, повернутой козырьком назад, – явно старше и на полголовы выше своих приятелей. И, судя по всему, в этой компании юных гопников он был заводилой.

– Э-э, паца-а-н, куда канаешь? – с блатной протяжкой в голосе спросил он.

– В магазин, – как можно спокойнее ответил Гена, но сердце у него неприятно ёкнуло. Он уже понял, что просто вопросом и ответом эта встреча не закончится.

– Я чё-то тебя здесь раньше не видел... Ты чё, приезжий, что ли? – продолжал допрос долговязый.

– Да.

– Чё «да»?! Откуда приехал?

– Из деревни.

– Ха-а, Клинт, приколись, к нам тут колхозан нарисовался! – стал изгаляться долговязый, обращаясь к одному из подростков, стоящих рядом с ним. И, придвинувшись вплотную к Гене, угрожающе произнес: – А ну, гони деньги, крест!

– У меня нет, – прерывающимся голосом произнес Гена.

– А ну, попрыгай, – приказал долговязый.

И Гена, сам не зная почему, хотя внутри всё этому противилось, несколько раз подпрыгнул. В кармане предательски звякнула мелочь.

– А говоришь: нету... – ухмыльнулся долговязый и крепко ухватил его за грудки.

Делать было нечего, помощи ждать тоже неоткуда, и Гена полез в карман за деньгами. Он уже вытащил руку, в которой были зажаты мятая трешка и несколько монет, как к ним подошел смугловатый, крепко сбитый паренек и, оттолкнув долговязого, сказал тихо, но внятно:

– Слышь, Крендель, отвали и больше не трогай его! Понял!? Это – мой друг.

– Ха, Вока! Да давно ли этот колхозан твоим другом заделался?

– Не твое дело. Отвали и всё, – обрубил разговор паренек.

– Ладно, Вока, еще посчитаемся! – По-блатному прищурился долговязый, цыкнул сквозь зубы в сторону и, глубоко засунув руки в карманы, вразвалку отправился восвояси. За ним потянулись и его приятели.

Гена стоял в недоумении, взирая на паренька, который так неожиданно появился в самый драматический момент и заступился за него, да еще и сказал, что он, Гена, его друг.

– Ну, что смотришь как на чудо-юдо? – улыбнулся паренёк.

– Да так, неожиданно как-то всё это... Я уже, было, с деньгами попрощался.

– Ты что, правда – из деревни?

– Ага, учиться приехал. У нас там только начальная школа.

– А где живешь?

– Да тут, неподалеку. – Кивнул Гена в сторону своего дома.

– Теперь понятно, почему они тебя зацепили, – сказал паренек. – Из наших-то их тут никто не боится. А вот незнакомых они прижимают. Считают, что это их территория. Ну да ладно, пусть считают. – И он по-взрослому протянул Гене руку. – Вова. А лучше Вока, мне так привычней.

– Гена. – Пожал протянутую руку Гена.

– Ты, Ген, не бойся этих... – и Вока кивнул в сторону газетного киоска, возле которого что-то оживленно обсуждала незадачливая троица. – Больше они тебя не тронут. А если что – скажи мне. Я во-он в том подъезде живу, в тридцать седьмой квартире. – И он указал рукой на крайний подъезд длинного пятиэтажного дома. – И в городе посмелее будь. Когда ходишь, по сторонам да витринам не озирайся – первый признак, что из деревни, – поучал Вока. – А не то будешь на каждом углу карманы выворачивать. – и чуть помолчав, спросил: – А ты в какой школе учиться-то будешь?

Гена назвал номер школы, куда его уже определили.

– Я тоже в этой школе учусь! – сказал Вока. – А в каком классе?

– В пятом «А», – ответил Гена.

– Здорово! – воскликнул Вока. – Мы же с тобой в одном классе! – и продолжил уже серьезно: – Значит так, давай вместе держаться, у нас в школе тоже фикусов разных хватает. Узнают, что из деревни, на каждом шагу подначивать будут. Ну а сейчас – пока. Извини, спешу! – совсем уж по-взрослому закончил он разговор. – Если не встретимся на улице, увидимся в школе.

И он ушел так же неожиданно, как и появился. До начала занятий оставалось два дня.

Никто не обратил внимания на Гену, когда он, осторожно приоткрыв дверь с табличкой «5А», вошел в класс. Все вокруг дышало особой атмосферой, присущей в учебном году лишь одному дню – Первому сентября. Окрепшие, вытянувшиеся за лето ребята и заметно повзрослевшие девчонки вдохновенно делились впечатлениями летних каникул. Шум, гам, смех, никто никого не слушает, все говорят... В общем, ничего странного – первое сентября. Гена повел взглядом и увидел Воку, сидящего за партой в середине второго ряда. Вока тоже заметил его и махнул рукой, показывая на пустующее место рядом с собой.

– Садись, – пригласил он, откинув крышку парты на свободном месте.

Гена сел, положил в парту портфель и закрыл крышку.

– Такая же, как и у нас в школе, – сказал он, проведя рукой по парте.

– А ты думал, здесь парты другие?

Гена пожал плечами. Ведь, если честно, он так и думал.

– Думал, что другие, – признался он.

– В школах парты везде одинаковые, – сказал Вока авторитетно. – Вот в институте – там по-другому. Вместо классов – аудитории, а вместо парт – столы. Сам видел, – продолжал он, – у меня старший брат в машиностроительном учится...

Тут прозвенел звонок, но гвалт в классе от этого, казалось, лишь только усилился. Наконец открылась дверь, и вошла женщина средних лет приятной внешности, в строгом сером костюме. Приветствуя её, класс встал; загрохотали крышки парт. Постукивая каблуками, учительница прошла к столу, положила на него классный журнал, дождалась, пока в классе стихнет шум.

– Здравствуйте, дети, – поздоровалась она.

– Здравствуйте! – нестройно, вразнобой ответили новоиспеченные пятиклашки.

– Садитесь, пожалуйста.

И дождавшись, пока ученики усядутся, а шум стихнет, она сама села за стол и окинула класс взглядом через очки в тонкой золотистой оправе.

– Меня зовут Елизавета Максимовна, – сказала она хорошо поставленным учительским голосом. – Я буду преподавать у вас географию. А теперь, когда вы знаете, кто я и как меня зовут, было бы неплохо познакомиться и со всеми вами.

Она открыла лежащий перед ней классный журнал и стала зачитывать фамилии. Мальчишки и девчонки, чьи фамилии она произносила, вставали. Учительница, кивнув головой в знак того, что можно садиться, зачитывала следующую фамилию. Городская школа отличалась от деревенской: мальчишки и девчонки были ярче, бойчее и шумнее. И Гена ощущал себя маленьким сереньким мышонком, неизвестно по какой причине оказавшимся здесь. Он даже прослушал свою фамилию, и лишь когда учительница повторила её, вскочил, громко хлопнув крышкой парты. В классе послышался сдержанный смех. Елизавета Максимовна посмотрела на него, улыбнулась.

– Ты, Гена, у нас в школе новенький?

– Да, новенький.

– А в какой школе учился до этого?

– В деревенской, – сказал он, в который уже раз за последние дни.

Вновь послышался приглушенный смех. Учительница строго повела взглядом, смех тут же прекратился.

– Хорошо, Гена, очень хорошо. Надеюсь, в новой школе тебе понравится, – сказала она и, кивнув головой в знак того, что он может садиться, зачитала следующую фамилию.

Шумно выдохнув, Гена сел. Вока, дружески подмигнув, прошептал:

– Все нормально, привыкай.

«Хорошо еще, что с Вокой успел познакомиться, – подумал Гена. – А то сидел бы сейчас тут совсем один, среди этих, которым палец покажи, смеяться будут», – вспомнил он бабушкину присказку.

Закончив переключку, Елизавета Максимовна закрыла журнал и пересадил класс так, что мальчики теперь сидели рядом с девочками. Гену со второго ряда пересадили на середину первого, рядом с худенькой девочкой со светлыми волосами, заплетенными в две косички и ровным пробором посередине головы. Девочку звали Таня.

– Итак, дорогие мои, как вы уже знаете, начальная школа у вас позади, и теперь вы – ученики средних классов, – продолжила урок Елизавета Максимовна. – В чем же, собственно, отличие?

Вверх взметнулось с десятков рук, а некоторые, особо нетерпеливые, принялись что-то выкрикивать с места.

– Пожалуйста, потише. – И попросила ответить девочку, сидевшую за партой, стоящей прямо перед учительским столом. Та вскочила и бойко затараторила:

– Раньше, когда мы учились в начальных классах, у нас была только одна учительница, и она преподавала нам все предметы, а теперь у нас каждый предмет будет преподаватель другой учитель, а еще, – не останавливалась она, – у нас будет классный руководитель... – Девочка хотела продолжить говорить дальше, но учительница остановила её.

– Ну, все, все, спасибо, достаточно, – улыбнулась она и знаком усадила девочку на место. – Вижу, вы неплохо во всем этом разбираетесь. Действительно, теперь вам будут преподавать разные учителя и у вас будет классный руководитель. И вы, наверное, догадываетесь – кто.

– Вы-ы-ы-ы! – протяжно ответил класс.

...Гена с Таней просидели за одной партой до окончания школы. В старших классах, когда Таня вошла в девичий возраст и расцвела словно цветок, который до этого был лишь невзрачным зеленым бутонем, многие из ребят, тайно и явно вздыхавшие о ней, отдали бы многое, чтобы оказаться на его месте. Но для него она так и осталась смешливой девчушкой с двумя тонкими косичками и ровным пробором посередине головы. А Елизавета Максимовна стала всем им не только классным руководителем, но так же другом и наставником; и даже после окончания школы многие приходили к ней за советом, поддержкой, да и так просто – выговориться.

После поездки в деревню Джесси заметно повзрослела. Постоянное пребывание на свежем воздухе, Зорькино молоко, прогулки в лес и на речку изменили её внешность. Грудь стала шире, мощнее, шерсть приобрела яркий лоснящийся окрас. А на своих собратьев она стала поглядывать как бы свысока: дескать, что вы вообще в этой жизни видели, кроме этого двора. Ну, точь в точь подросток, который провел лето в деревне у родственников и возвратился к осени домой загорелый и возмужавший. Рыжая собачонка попыталась, было, вновь продемонстрировать над ней свое превосходство, но вместо того чтобы пуститься наутек, как это случалось раньше, Джесси вдруг приняла стойку настоящей сторожевой собаки, готовой отразить нападение врага. Её голова была поднята, уши насторожены, взгляд устремлен на противника, грудь вздымалась от волнения, хвост опущен и нервно подрагивал. Ноги – прямые

и напряженные, были готовы сорвать её с места в любую секунду. Почуввав неладное, Рыжая с ходу развернулась и бросилась наутек. Джесси рванула за ней. Но в тот самый миг, когда она уже готова была схватить её и неизвестно, чем бы всё это закончилось для маленькой авантюристки, неожиданно прозвучала команда хозяина: «Джесси, нельзя! Ко мне!» Она все же пробежала еще некоторое расстояние – уж очень велико было желание отыграться за все бывшие обиды. Но хозяйское «нельзя» было сильнее её желания. Замедляя бег, она остановилась, а Рыжая, громко скуля от страха, скрылась за пустырем, оказавшись всего лишь трусливой собачонкой, которая нападает и лает только на тех, кто её боится, и поджав хвост, убегает от того, кто сильнее. И было в этом что-то человеческое. С того дня все изменилось. Рыжая, поджав хвост, улепетывала во все лопатки, лишь только Джесси появлялась во дворе. А Джесси жила своей жизнью, радовалась хорошему и по-своему, по-собачьи, переживала плохое.

Прошел еще год. Джесси уже полностью отвечала стандартам своей породы. Это была крупная, красивая, черного, без подпалин цвета овчарка, и прохожие невольно задерживали на ней взгляд, когда она рядом с хозяином шла по улице. Иногда Гена доверял Джесси нести фотоаппарат. Для неё это было целым событием. С поднятой головой, держа фотоаппарат в зубах за тонкий ремешок, она важно вышагивала рядом – гордая оказанным доверием. Иногда Гена заходил в какие-то здания; здания были разные: большие и маленькие, и пахло из их дверей тоже по-разному – съедобным или несъедобным. Перед тем, как зайти, он отводил Джесси чуть в сторону и давал команду: «Сидеть», клал перед ней пакет либо сумку и давал другой приказ: «Охранять». Джесси прекрасно понимала, что должна сидеть и ждать пока хозяин вернется, и никто, кроме него, не должен прикасаться к вещи, над которой было произнесено священное «охранять».

Порою можно наблюдать, с каким упоением люди выполняют работу, которая им нравится. И, когда труд в радость – это хорошо и полезно. Собаки, наверное, в этом мало отличаются от людей. Если бы кто наблюдал за Джесси, охраняющей положенную перед ней кладь, то не сказал бы, что это скучающая собака. Казалось, она вся была поглощена выполнением своего задания. Её взгляд был устремлен на дверь, и всякий раз, когда она открывалась, Джесси нетерпеливо переступала передними лапами в надежде увидеть хозяина; и она подозрительно косилась на людей, которые, по её мнению, уж слишком близко подходили к охраняемой вещи. Но, даже увидев выходящего Гену, она лишь чуть слышно, взволнованно поскуливала, ни на секунду не покидая своего поста. А ей так хотелось броситься ему на грудь и лизнуть в лицо! Ведь она так скучала и, если честно, очень переживала, что он не придет. Но все, что она себе позволяла – это лишь радостно вильнуть хвостом, когда хозяин поднимал с земли свою кладь. Ведь не пристало же ей, породистой собаке, вести себя как легкомысленная дворняжка, да еще когда рядом столько незнакомых людей.

Подростковый мир – мир конфликтный, непредсказуемый. Вместе с тем, как у Гены появился друг, он успел нажить себе и врагов. И это были все тот же Крендель и двое его приятелей по прозвищу Клин и Чика; все они учились в этой же школе в параллельном пятом «Б». Крендель был старше своих одноклассников, так как ухитрился два года кряду остаться в пятом классе на второй год. Репутация второгодника и отъявленного хулигана давала ему определенный вес, поэтому в отношении Гены он чувствовал себя на высоте. И не упускал случая подначить его, крикнув что-то, типа: «Эй, колхозан, пошли репку дергать!» или же толкнуть плечом так, что Гена отлетал на несколько шагов в сторону. Гена терпел и сносил эти толчки и насмешки и, хотя Вока уже не раз разговаривал с Кренделем, тот унимался лишь на малое время. Конечно, так не могло продолжаться бесконечно долго. На одной из перемен Гена зашел в туалет и наткнулся на Кренделя, который сидел на подоконнике и, скорее всего, ждал, у кого стрельнуть сигарету. Увидев Гену, он спрыгнул с подоконника и, подойдя, с насмешкой спросил:

– Слышь, колхозан, у тебя случайно закурить не найдется?

– Не курю, – ответил Гена и хотел, было, пройти мимо, но Крендель загородил дорогу.

И тут Гену словно прорвало. Неожиданно для себя, – и тем более для Кренделя, он схватил его за грудки и с силой отшвырнул в сторону. Мотнувшись, Крендель растянулся на полу, но быстро вскочил и бросился на него. Они сцепились и, отвешивая удары, принялись таскать друг друга по туалету. Конец драке положили старшеклассники – они растащили их, тяжело дышащих и рвущихся в бой, в разные стороны. В класс Гена вернулся с разбитым носом и приличной шишкой на лбу, а Крендель – с синяком под левым глазом. После уроков Гена и Вока вышли из школы и увидели Кренделя, Клина и Чику, стоящих невдалеке от входа. Те тоже заметив их, не спеша двинулись навстречу и, не доходя пару шагов, остановились. Синяк у Кренделя был приличный и лишь только набирал цвет. Он некоторое время исподлобья смотрел на Гену, затем вдруг улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, превратив из угрюмого хулигана в добродушного паренька, которым он, скорее всего, и был на самом деле, – а хулиган был всего лишь образом, в который Крендель прочно вжился. Затем он так же неожиданно протянул руку.

– Ну, что, колхозан, мир?

– Мир, Крендель. – Чуть помешкав, пожал протянутую руку Гена.

А Вока, уже готовый защищать друга, лишь покачал головой.

– Чудеса, да и только...

Михаил Иванович и Людмила Александровна были только рады, что у Гены появился такой друг как Вока. И, несмотря на его юный возраст, величали уважительно – Володя. Спокойный, уравновешенный Гена тоже понравился Вокиной семье. Семья у Воки была простая – рабочая. Отец – Василий Семенович, водил рейсовый автобус; был он среднего роста, широк в плечах, стриженные под канадку густые темно русые волосы, чуть тронутые сединой на висках, открытый взгляд, простота в общении, честность в поступках, умение смеяться весело и заразительно завершали его словесный портрет. Мать Воки – Полина Алексеевна – работала медсестрой на станции скорой помощи. Высокая, даже чуточку выше своего коренастого мужа, волосы – соломенного цвета, всегда гладко зачесанные и перехваченные на затылке, волнисто и густо ниспадали на спину, взгляд карих глаз был добр и участлив. От неё веяло душевным теплом и семейным уютом. Кроме Воки в семье были еще два его старших брата и младшая сестренка Катя. Жили они дружно. Вся семья посещала евангельскую церковь, поэтому в комнатах на стенах висели плакаты с библейскими изречениями. Подобное в атеистическом обществе не приветствуется, если не сказать больше – воспринимается враждебно. И если не подвергается гонениям, то уж насмешкам – точно. Но Вока выстроил свои отношения со сверстниками так, что они остерегались говорить ему что-то унижительное или оскорбительное по поводу его веры, во всяком случае, в глаза. В нём каким-то удивительным образом сочетались христианская добродетель и воинствующий дух. А крепость его кулаков испытал на себе уже не один насмешник.

Если твой друг ходит в церковь, а ты в это время сидишь дома, то рано или поздно ты тоже пойдешь вместе с ним; хотя бы из любопытства. И когда это случилось, Гена очень удивился, что они пришли к обыкновенному зданию из белого кирпича со строгим крестом на фасаде. А он-то, было, надеялся увидеть нечто величественное и грандиозное, устремившиеся ввысь золотом куполов, увенчанных вычурными крестами; а внутри – иконы, дым курящегося ладана и монотонный, говорящий нараспев голос священника... То есть примерно то, что он видел внутри небольшой церквушки, когда ездил с бабушкой в соседнее село – святить на Пасху куличи и крашеные яйца. Тогда им пришлось выстоять длинную очередь, и священник с черной густой бородой, растущей от самых глаз, говоря что-то нараспев, окропил водой при-

несенные яства. Потом бабушка купила тонкие свечи и, зажигая, ставила их перед иконами и подолгу молилась перед каждой, часто крестясь и кланяясь. Дома, в углу бабушкиной комнаты, тоже были иконы. На самой большой, что стояла в центре иконостаса, был изображен человек с узким худым лицом и строгим пронизывающим взглядом больших черных глаз, для которых, как казалось Гене, не существует ничего тайного. Бабушка говорила, что это – Иисус Христос, Божий Сын, который пришел на землю, чтобы спасти людей от грехов, и он знает всё – и прошлое, и будущее. Иногда, когда бабушки не было в комнате, маленький Гена, вставал на табурет и, глядя прямо в его глаза, спрашивал:

– Иисус, Иисус, Божий Сын, скажи мне о моем будущем! – И, вслушиваясь, трепетно замирал.

Иисус молчал, но Гене казалось, что Его взгляд теплел, становился ласковым и одобряющим, словно Иисус знал о нем что-то хорошее.

Когда они зашли в здание, Гена удивился еще больше – длинный зал, два ряда стульев с проходом посередине; сцена, на ней – кафедра, с правой стороны зала – длинный балкон. Всё это больше походило на сельский клуб, чем на церковь. Они пришли поздно, зал уже был полон, и только в заднем ряду оставалось несколько свободных мест. И когда они уселись, Гена увидел, что на балкон стали выходить люди. Те, у кого в руках были музыкальные инструменты, прошли в правую его часть, где еще раньше он заметил фортепиано, – за него села девушка. Остальные заняли левую сторону балкона до самой его середины, образовав классическое построение хора в три ряда.

– Это церковный хор, – шепнул Вока. – А вон, смотри, в середине второго ряда – Павел и Никита.

Присмотревшись, Гена увидел двух старших Вокиных братьев. Перед хором, как и положено, стоял дирижер – черноволосый, худощавый мужчина лет тридцати, в черном фраке. Он повернулся к музыкантам, взмахнул палочкой, и в зал полились звуки музыки. Дирижер сделал знак певцам, и тут же послышалось тихое пение; оно становилось громче и громче.

– Это хвала Богу, – шепнул Вока на ухо Гене.

Происходящее действительно трудно было назвать как-то иначе. Это была именно хвала Богу в исполнении обыкновенных людей, наполненных особой благодатью. Зал подхватил песню, и она мощно зазвучала под сводами церковного здания. И хотя Гена не знал слов песни, его не покидало чувство, что он – один из участников этого величественного восхваления.

В прошлом году Гена ездил с отцом, на Новогодние праздники, в соседнее село, к родне, в гости. Дети родственников – Витька со Степкой, уговорили его пойти на школьный Новогодний вечер. И лишь они зашли в клуб, как те сразу же растворились в пестрой веселящейся толпе, оставив Гену одного. Он стоял посреди всего этого разодетого веселья, чувствуя себя посторонним, и жутко сожалел, что вообще согласился прийти на этот чужой для него праздник. В церкви, Гена тоже почти никого не знал, но не чувствовал себя как сбоку припека, – как тогда, в школьном клубе, – наоборот, с самого начала, его не покидало ощущение, что он участник всего, что происходит вокруг.

Хор закончил петь, и к кафедре вышел седовласый мужчина в возрасте.

– Приветствую вас, возлюбленные Господом братья и сестры! – непривычно для Гены поприветствовал он сидящих в зале. Но что-то встрепенулось в груди от этих слов: «Возлюбленные Господом!». Ведь это относится и к нему!

– Это наш пастор, Филипп Николаевич, – шепотом комментировал Вока.

Пастор попросил всех встать для совершения молитвы. До этого Гена слышал, как молилась бабушка; у Воки в семье тоже молились, когда усаживались за стол, так что ничего нового или необычного для него в этом не было. Ну, разве что кроме некоторых непонятных словосочетаний, но о них он решил спросить у Воки потом, после... Но все же не выдержал – спросил:

– Слышь, Вока, а что такое «открыть ум к разумению Писаний?».

- Это значит, чтобы ты понял, что в Библии написано, – тихо ответил Вока.
- Аминь! – закончил молитву пастор.
- Аминь! – эхом отозвался зал.
- Аминь, – вместе со всеми произнёс Гена.

Филипп Николаевич открыл Библию, окинул взглядом прихожан и сказал, что проповедь, которую он сегодня собирается прочесть, будет о Божьей мудрости. И хотя Гена внимательно слушал проповедь, он мало что из неё понял. «Наверно, так и не открыл мне Бог ум к разумению Писаний», – с огорчением, всерьёз подумал он. И эта мысль настолько поглотила его, что он даже не заметил, как служение подошло к концу и завершилось таким же образом, как и началось – молитвой пастора. По дороге домой, он сказал Воке:

- Наверное, мой ум закрыт к разумению Писаний...
- Чего-чего у тебя закрыто? – переспросил тот.
- Ум к разумению Писаний, – повторил Гена вполне серьёзно.
- Смех так и распирает Воку, но он удержался.

– Ты, Гена, лучше говори всё своими словами, а то и у других умы позакрываются. Совсем не обязательно вставлять в разговор то, что говорил в молитве Филипп Николаевич. А не понял ты... – Он задумался. – Да я и сам не знаю – почему... Вроде, всё ясно было. Может, оттого, что первый раз в церкви? Ты будь проще! Представь, что это твой отец говорит, а не пастор, вот тогда всё и поймешь.

- А как ваша церковь называется?
- Евангельских христиан.
- А ты когда-нибудь в другой... Ну, в этой... где в колокола бьют – был?
- Православной?
- Ну да, в Православной.
- Не-а, – ответил Вока.
- А я был, да только ни одного слова, кроме как «Господу помолимся» не понял.
- Ну, значит, ходи туда, где хоть что-то понимаешь, – шутя, подытожил Вока.

В следующее воскресенье Гена слово в слово повторял за пастором слова молитвы, с особым трепетом он произнес то, что касалось «уразумения Писаний». На этот раз Филипп Николаевич говорил проповедь о вере. Поясняя, что вера больше относится к тому, чего нельзя увидеть и ощутить сразу же, и только через молитву и труд она становится осязаемой и зримой. Гена не раз слышал, как бабушка говорила кому-нибудь укоризненно: «У-у, Фома неверующий!». Оказывается, это была не просто бабушкина присказка, – как думал Гена, а библейская быль о Фоме, одном из учеников Иисуса, который не поверил, что он воскрес. Впрочем, много Гена не понял и на этот раз. Например, как невидимое превращается в видимое, и почему для Бога вера важнее всего, даже важнее, чем хорошие дела. Ещё Филипп Николаевич упоминал о детской вере, пусть наивной, но искренней, потому, что дети верят в то, что им говорят, не сомневаясь. И что именно к такой вере призывает Иисус. А Гена, слушая, размышлял про себя: «Я уже не ребенок, но ещё и не взрослый, так какая же, у меня вера? Наверное, средняя», – заключил он.

- Вока, а какая у тебя вера? – спросил он, по дороге домой.
- Не знаю, – немного подумав, ответил тот.
- А у меня – средняя, – сказал Гена.
- Чего-чего? – чуть не поперхнулся Вока.
- Вера у меня средняя, потому что я уже не ребенок, но еще и не взрослый, – повторил Гена.

– Ага, средневозрастная. Что-то вроде переходной, да?

– Может, и так. – Ничуть не обиделся Гена и спросил: – Вока, а что такое «молитвенный труд»? Это когда много молишься да?

– Ну, вроде того. Только нужно ещё знать, о чем молиться.

– А как узнать? – не унимался Гена.

– Знаешь, я в этих вопросах не такой-то уж и дока, лучше поговори с моим отцом. Он тебе все популярно объяснит, – немного подумав, ответил Вока.

– Ладно, поговорю, – пообещал Гена.

Он видел, что сразу после проповеди к сцене выходят люди; они молились вместе с пастором и некоторые радостные, а другие наоборот – с заплаканными лицами, возвращались на свои места. И после очередного собрания спросил у Воки:

– Вока, почему они радуются?

– Потому что покаялись, и Бог простил их.

– А плачут?

– Потому же.

– А кому нужно каяться?

– Тому, кто грешник.

– А кто грешник?

– Тот, кто грешит, тот и грешник, – как-то уж больно односложно отвечал Вока.

– Ну, а мне надо каяться?

– Наверное, да.

– А ты каялся?

– Каялся.

– И что, уже не грешник?

Вока вздохнул.

– Иногда грешник.

– Но ведь ты же каялся?

– Каялся.

– Тогда почему – грешник?

– Не знаю. – Пожал плечами Вока.

Тем временем они подходили к Вокиному дому, и он предложил Гене зайти и обо всем поговорить с его отцом.

Они пришли первыми, и дома у Воки ещё никого не было. Старшие его братья Павел и Никита, в воскресные дни занятые в церкви, приходили лишь к вечеру. У Кати сразу после утреннего Богослужения начинались занятия воскресной школы, и Полина Алексеевна осталась в церкви дожидаться её. Но вскоре пришел Василий Семенович. Вока сказал, что у Гены есть вопросы касательно Бога и покаяния, и что он, Вока, ничего вразумительного ответить ему не смог.

– Ну, что ж, любознательность – хорошее качество, – сказал Василий Семенович и пригласил Гену в большую комнату, которая служила и залом. Он предложил ему сесть в кресло, сам сел на стул напротив и спросил, каким Гена представляет себе Бога. В глазах Гены навязчиво стоял иконный образ Иисуса, с большими темными глазами.

– Я думаю, Он такой, как на иконе, – не совсем уверенно произнес Гена.

– Хм... – Василий Семенович выдержал небольшую паузу, собираясь с мыслями. – Не хочу разрушать твоё представление, но вряд ли изображение на иконе полностью соответствует образу настоящего Христа. Ведь на иконах он изображен по-разному – так, как представляли его художники. Причем, каждый в свое время и движимый духовными переживаниями, которые были присущи только ему. Ну, да ладно, спрошу по-другому: ты когда-нибудь слышал о Боге Отце, Сыне и Святом Духе?

– Ну, да. – Утвердительно кивнул Гена. Он действительно много раз слышал, как пастор говорил эти слова.

– И как ты это представляешь?

– Никак, – признался Гена. Он и до этого мало что понимал, а если и понимал, то по-своему, а теперь вообще все перепуталось в один большой ком сплошных загадок. И в глубине души он уже сожалел, что согласился на этот разговор.

– Вижу, совсем сбил тебя с толку своими вопросами, – улыбнулся Василий Семенович. – Давай я лучше расскажу тебе сказку, хорошо?

– Хорошо. – Поудобнее устроился в кресле Гена. Он любил слушать сказки.

– Это произошло в одном большом дальнем лесу, – начал говорить Вокин папа спокойным ровным голосом, как обычно взрослые рассказывают детям сказки. – В лесу обитало много разных зверей. Звери жили дружно, и все было бы хорошо, но их дети очень шалили, и это доставляло много неприятностей взрослым. И вот однажды звери собрались на совет у Большого дуба и решили, что довольно их детям шататься по лесу без дела и безобразничать, а пусть-ка лучше они учатся, да ума набираются. Долго думали звери: кого же поставить учителем? И наконец решили, что лучше Быстрого Зайца учителя не найти, потому что он много бегает по лесу и много чего повидал. Но зверята учиться не хотели, вели себя плохо и не слушались Зайца. Опять собрались звери на совет и решили, что, раз их дети не слушаются Зайца, то пусть учителем будет Большой Тигр. Уж его-то они не посмеют ослушаться! Но зверята как только увидели Тигра, в страхе разбежались в разные стороны. Тогда решили звери, что пусть учителем будет Мудрый Медведь. В первый же день Медведь удивил зверят, предложив им самим установить школьные правила, а также наказание за их нарушение – ведь зверята прекрасно знали, что все правила в лесу устанавливают взрослые, а они только нарушают их. Поэтому предложение медведя их заинтересовало, и они составили список, в котором было десять правил, а также и десять наказаний, если вдруг эти правила, кто-то нарушит. Некоторое время все шло как нельзя лучше, зверята прилежного учились и хорошо себя вели. Но однажды кто-то украл у медвежонка бутерброд. Вскоре нашли и виновного – им оказался маленький серый крольчонок. Учитель поставил его перед всем классом и спросил, почему он украл бутерброд. Крольчонок расплакался. «Простите меня, пожалуйста, – всхлипывал он, растирая лапками слезы. – Утром я не успел позавтракать, а из сумки медвежонка так вкусно пахло...» По правилам, которые установили сами же зверята, за воровство полагалось десять ударов тростниковой палкой по спине, но им стало жаль крольчонка, и они принялись упрашивать Медведя не назначать ему наказания. Мудрый Медведь сказал, что, если не наказать крольчонка, то воровство в школе не прекратится. Поэтому наказание придется исполнить, чтобы все знали – правила очень серьезные и нарушать их нельзя. Крольчонок жалобно всхлипывал, и зверята жалели его, но не знали, как ему помочь. Они понимали, что учитель прав, и если крольчонка не наказать, то уже завтра начнут нарушаться все правила. И в этот момент тот самый медвежонок, у которого крольчонок украл завтрак, подошел к учителю и спросил: «Скажите, Мудрый Медведь, ведь по нашим правилам за воровство полагается десять ударов палкой?» – «Да», – ответил Мудрый Медведь. «А ведь в правилах не написано, кто должен принимать наказание, верно?» Медведь удивился, но согласился с тем, что в правилах об этом действительно ничего не написано. «Но мне не понятно: что ты хочешь этим сказать?» – спросил он. «Учитель, правило должно быть выполнено, это так; но пусть вместо крольчонка буду наказан я», – сказал медвежонок. Медведь поинтересовался мнением других зверят, и все согласились с тем, что наказание должно быть исполнено, но в правилах не написано, кто должен нести наказание. Поэтому, если медвежонок примет десять ударов тростниковой палкой вместо крольчонка, то правило будет выполнено. Медвежонок подставил спину, и учитель десять раз ударил его палкой. Крольчонок вздрагивал каждый раз, когда палка опускалась на спину медвежонка; и лишь только учитель ударил в последний раз, как он кинулся к медвежонку и, крепко обняв его, проговорил сквозь слезы: «Медвежонок, медвежонок, прости меня! Я никогда, никогда больше не буду воровать!!» – «Да ладно, крольчонок, – снисходительно

погладил его по плечу медвежонок. – Просто, в следующий раз, когда захочешь есть, скажи мне, и я с удовольствием разделю с тобой свой бутерброд». Всё, что произошло, очень расстроило зверят, а старый Мудрый Медведь даже прослезился. Урок этот послужил хорошим примером и с тех пор больше никто не нарушал правил. А Мудрый Медведь ещё много лет учил зверят... А когда он состарился, учителем стал тот самый медвежонок, которого наказали вместо зайчонка, но к тому времени он уже вырос и стал большим и сильным медведем. Ну, вот, на этом и сказке конец и, как это говорится: а кто слушал – молодец, – закончил сказку отец Воки и улыбнулся.

Гена сидел с широко раскрытыми глазами. Ему было жаль медвежонка, но одновременно он был восхищен его поступком. Отец Воки спросил, понял ли он, о чем эта сказка.

– Да, – ответил Гена. – Вместо крольчонка, нарушившего правило, наказание получил медвежонок.

– Верно. А теперь я хочу рассказать тебе про того, кто поступил как медвежонок. Про того, кто принял наказание за все плохое, что сделали люди. А наказание это было более суровым, чем десять ударов палкой, – сказал Василий Семенович и продолжил рассказывать дальше: – Все люди, живущие на земле, подобно крольчонку нарушили закон, который установил для них Бог, а это значит – что все должны быть наказаны. А наказанием за грех является смерть. В Библии так и сказано: «душа согрешающая, та умрет». Но Бог не желал смерти людей и послал на землю Своего Сына, чтобы он, подобно медвежонку, принял наказание вместо нас. И Божий Сын, Иисус Христос явился на землю в образе младенца, родившегося у супружеской четы Иосифа и Марии. Произошло это много лет назад, в маленьком селении под названием Вифлеем, в котором они остановились на ночлег. Мария была беременной и должна была вот-вот родить, но в этой деревушке не нашлось места, где бы им можно было переночевать. Поэтому, опасаясь остаться в поле, Мария и Иосиф устроились в хлеву. И в эту самую ночь у них родился сын, Иисус, и его первой кроваткой стала кормушка для скота, которая называется ясли. Вскоре они вернулись в свой город Назарет. И там Иисус жил вместе с родителями, будучи у них в повиновении, преуспевая в премудрости и в любви у Бога и у людей. Когда же Иисусу исполнилось тридцать лет, он собрал вокруг себя двенадцать учеников, которых назвал апостолами, и стал вместе с ними ходить по земле Израильской и, имея силу, данную ему Богом, исцелял больных, помогал страждущим, и всюду увещевал людей покаяться в грехах и творить правду. Но в одну из ночей, когда Иисус с учениками устроились на ночлег в Гефсиманском саду, что находился вблизи Иерусалима, к ним с фонарями и светильниками и оружием в руках пришли римские воины и слуги первосвященников и фарисеев. Иисус же, зная все, что с ним будет, вышел к ним и спросил: «Кого вы ищете?» Ему отвечали: «Иисуса Назорея». Иисус говорит им: «Это Я». Тогда воины взяли Иисуса и, связав его как преступника, повели к первосвященнику. Ночь он провел под охраной во дворе первосвященника. Утром, обвинив Иисуса в богохульстве, первосвященник отправил его к Понтию Пилату – римскому куратору. Воины Пилата возложили на голову Иисуса венец из терна, одели его в багряницу – символ царства, кланялись ему и, глумясь, говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!» и били по лицу. И после всего этого Пилат предал Иисуса на распятие. И, неся свой крест, он вышел на место, называемое Голгофа, и там был распят. Рядом с Иисусом распяли двух разбойников, по ту и по другую его сторону.

Гена вспомнил худое, удлиненное, со следами страданий лицо Иисуса, взирающего, казалось, всевидящим оком с иконы в бабушкиной комнате. Сердце сжалось в неимоверной жалости, на глазах выступили слезы.

– Ну, ну, – стал успокаивать его Василий Семенович. – Это еще не конец истории. Ведь Иисус не только умер, но и воскрес.

– Я знаю, – сдерживая слезы, проговорил Гена. – Но все равно обидно, почему они его так...

– Понимаю Гена, что ты сейчас переживаешь, – сказал Вокин папа. – Но наберись терпения и выслушай все до конца.

Гена вытер рукавом рубашки слезы.

– Многие люди, видевшие смерть Иисуса, не знали, что он умер за их грехи, – продолжал историю Василий Семенович. – Некоторые с насмешкой говорили: «Почему ты спасал других, а себя спасти не можешь? Сойди с креста, докажи всем, что ты – Божий Сын!» Один же из разбойников, повернув к нему голову, сказал: «Господи, помяни меня, когда придешь в свое Царство». Иисус из последних сил ответил ему: «Истинно говорю, ныне же будешь со мною в Раю». Прошло еще немного времени, и прозвучал громкий крик, вырвавшийся из груди Иисуса. Затем стоявшие рядом слышали его слова: «Господи! В твои руки предаю дух мой». Голова Иисуса бессильно опустилась на грудь. Он умер, исполнив предназначенную ему Богом миссию. Он умер, приняв смерть как наказание за грехи всего мира. Он умер вместо меня, вместо тебя, вместо всех людей, живущих на Земле. Ибо все, без исключения заслуживают смерти за совершенные ими грехи. Но Иисус, приняв наказание, занял наше место, дабы всякий грешник не погиб, но имел жизнь вечную! – Отец Воки сделал небольшую паузу и продолжил дальше. – Тело Иисуса положили в склепе, который был вырублен в скале и принадлежал одному очень знатному человеку. Точно так, как было об этом предсказано в Библии ещё много лет назад. Через три дня мать Иисуса – Мария и вместе с ней еще одна из женщин, ходившая за Иисусом, пришли к склепу. И тут случилось необъяснимое. Прямо на их глазах произошло великое землетрясение. И ангел Господень, сошедший с небес, отвалил камень от дверей склепа и сидел на нем. Вид его был как молния, и одежда бела как снег. Охранявшие склеп римские солдаты испугались и встали, словно мертвые. Ангел же, обратившись к женщинам, сказал: «Не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; его нет здесь: он воскрес, как и сказал. И пойдите скорее, скажите ученикам, что он воскрес из мертвых, и ожидает их в Галилее». Женщины пошли и рассказали всё ученикам. Те пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус. И там увидев его, поклонились. Приблизившись, Иисус сказал им: «Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что я повелел вам. И я буду с вами во все дни до скончания века...»

Василий Степанович посмотрел на Гену. У того уже высохли слезы, на лице сияла улыбка.

– Помнишь еще сказку? – спросил он.

– Да. – Утвердительно кивнул головой Гена.

– А помнишь, кто нарушил правила?

– Крольчонок.

– А кого наказали?

– Медвежонок.

– А как попал на небеса разбойник?

– Потому что обратился к Иисусу и попросил, чтобы он вспомнил его, когда придет в своё царство.

– Верно. И вот поэтому, Гена, – сказал Василий Семенович, – чтобы получить прощение грехов нужно не только верить, что Иисус есть, но и обратиться к Нему в молитве покаяния. То есть признать себя грешником и попросить прощение за все плохое, что когда-либо делал в жизни, и затем пригласить Его в свое сердце. И тогда твоя земная жизнь будет светла, а когда однажды она закончится, будешь жить вечно на Небесах с Иисусом.

– Я могу покаяться только на следующее воскресенье? – спросил Гена.

– Не обязательно. – Улыбнулся Василий Семенович. – Можно и сейчас. И если хочешь, я могу тебе в этом помочь.

Через минуту они стояли на коленях. Василий Степанович произносил слова молитвы, а Гена старательно повторял за ним. И хотя он лишь повторял слова молитвы покаяния, ему казалось, что они уже давно и осмысленно живут в его сердце.

Учёба давалась легко, и Гена с довольно приличными оценками переходил из класса в класс. Возможно, его жизнь сложилась бы, как и у многих других: школа, институт, затем работа, женитьба, карьера... И в этом нет ничего плохого – широкая, проторенная многими, дорога. Но в жизни не всегда бывает так, как это видится человеку; иногда она преподносит сюрпризы и, большей частью неприятные...

Это был выпускной год. Из угловатого нескладного подростка Гена вытянулся в высокого, хорошо сложенного юношу с темной полоской едва пробивающихся усов, одного из лучших волейболистов школы, о котором тайно вздыхали многие девчата. Его же сердце было занято лишь одной – оно начинало беспокойно биться при встрече с Марьяной, невысокой хрупкой девушкой с длинными светло-русыми волосами. И по тому, как Марьяна при встрече, вскинув на его приветствие свои огромные небесного цвета глаза и едва кивнув, сразу же опускала взгляд и спешила пройти мимо, можно было предположить, что он тоже небезразличен ей. И именно сейчас, когда в его жизни, казалось бы, всё складывалось как нельзя лучше, случилось нечто, что может присниться только в страшном сне, проснувшись от которого, человек облегченно вздыхает.

В конце весны в спортзале школы проходила серия игр по волейболу на первенство города среди юношеских команд. Две недели, изо дня в день, шли напряженные матчи. И вот последняя, финальная игра, в которой команда их школы встречалась с командой строительного техникума. Шел последний, решающий тайм. Счёт равный. Команда школы приняла подачу; разыграв, навесили мяч над сеткой, и Гена гвоздящим ударом отправил его за сетку. Но высокий, худощавый капитан команды соперников сумел поднять мяч, и вот уже другой игрок мощно пробивает его в сторону сборной школы. Гена в падении успевает принять его и... что это?! Невыносимая, резкая боль в колене не даёт ему подняться. Свисток судьи остановил игру. На площадку вместо Гены вышел запасной игрок. Этот матч они выиграли. Свист, крики, радостные голоса болельщиков и нестерпимая боль – все смешалось в его голове.

Колено сильно распухло. Тренер команды вызвал «скорую», ему сделали обезболивающий укол и отвезли в больницу. Как всегда в подобных случаях взяли кровь на анализ. Результаты анализа показали повышенное число лейкоцитов – белых кровяных телец. Повторный анализ лишь подтвердил это. Лейкоз, – форму и стадию, которого могли определить только в специализированной клинике, звучал как приговор. Гена был потрясён и не знал, как жить дальше. Знал только одно – со многим, о чём он мечтал, ему придется распрощаться. Нога распухла, стала неестественно толстой, багрового цвета. Бесконечные уколы, капельницы, которые иногда ставили сразу по две: в каждую руку. Лежать было неудобно и больно. Часто поднималась температура, бил озноб, и в полубреду он начинал метаться в кровати, пытаясь скинуть одеяло и освободиться от гибких трубочек капельниц. Никогда до этого Гена не задумывался о смерти. В семнадцать лет это противоестественно, даже сам факт её существования в этом возрасте отвергается. Но сейчас казалось, что смерть стоит рядом, дежурит у его кровати. Лишь на третий день жар стал спадать, и врачи вздохнули с облегчением. Его перевели из реанимации в общую палату. Первыми к нему пришли Вока, Иван Михайлович и Людмила Александровна. Из деревни приехали родители, только бабушка приболела, и потому осталась дома; но передала подарок: толстый свитер из серой шерсти, который связала ему ещё зимой. Навестили и старые приятели: Крендель, Чика и Клинт. Крендель раздался в плечах, а от его долговязости не осталось и следа. Этот симпатичный, атлетически сложенный парень вместе со своими неразлучными друзьями, которых тоже было трудно узнать, учились на втором курсе ГПТУ.

– Держись, Генк! Выздоровеешь обязательно, жизнь только начинается! – философски ободрил его Крендель, которого, впрочем, уже редко кто называл так, а больше – Витёк. То есть, так его примерно и звали, – Виктор.

Приходили и одноклассники. После того, как ушла длинноногая красавица Татьяна, на которой было коротенькое школьное платье, палата (кроме Гены там лежало еще шесть мужчин) пребывала в минутном шоковом молчании. Потом один из них, лежавший на койке у окна, с явными чертами жителя гор, спросил, ломая слова сильным акцентом:

– Слюшай, Гэна, это что, твой нэвэста, да?

– Да нет, просто одноклассница.

– Вах, какой красивый у тэбя однокласныца! – цокая языком, продолжал ещё долго восхищаться тот.

Однажды, в дверь палаты тихонько постучали, и в ответ на громкое «вхадые» соседа у окна, открыв дверь, вошла Марьяна. У Гены ёкнуло в груди, и он почувствовал, что предательски краснеет.

– Вах-вах! – Покачал головой кавказец, наблюдавший эту сцену.

Марьяна, несмело прошла к кровати и села на табурет.

– Ничего, Гена, что я пришла?..

– Ничего... Конечно, ничего! Даже очень ничего... – едва справился он с собой.

Она пробыла совсем недолго. Гена видел, что Марьяна чувствует себя неловко, скорее, из-за того, что первая переступила границу негласных симпатий. Она достала из пакета два больших апельсина, положила на тумбочку и сказала, что Гена непременно должен их съесть, потому что ему нужны витамины. Прощаясь, она спросила, можно ли прийти еще.

– Да, конечно, Марьяна! Я... я буду ждать, – проговорил Гена и почувствовал, что опять краснеет.

– Что, Гэна, это тоже твой однокласныца? – спросил сосед у окна сразу же после ухода Марьяны.

– Нет, знакомая, – ответил Гена.

– Ха-а, Гэна, значит, вот это твой нэвэста! – словно радуясь своей догадке, констатировал любознательный сопалатник и добавил: – Очэнь, Гэна, у тэбя хороший дэвушка, прямо пэрсик.

Оправдываться было бесполезно, да и не хотелось. Гена улыбался, сам не зная чему.

Хотя Гену и перевели из реанимации в общую палату, борьба за его ногу продолжалась. Ему делали почти такое же количество уколов и по-прежнему ставили по две-три капельницы в день. Нога болела и оставалась опухшей, багрово-синего цвета. Боль временами затихала, но возвращалась вновь; казалось, с ещё большей силой. На одном из обходов лечащий врач – Антон Касьянович, мужчина лет тридцати, высокий, худощавый, с короткой стрижкой черных волос, чуть тронутых сединой, внимательно осмотрел ногу и сказал, что если к понедельнику ситуация не изменится, то придется делать операцию.

– Антон Касьянович, мне что, отрежут ногу? – дрогнувшим голосом спросил Гена, чувствуя, как откуда-то из живота к сердцу поднимается холодный, парализующий страх.

– Нет, Гена, операцию надо будет делать как раз для того, чтобы ногу сохранить. А впрочем, у тебя впереди еще два дня, чтобы начать выздоравливать.

На следующее утро, едва проснувшись, Гена сразу же откинул одеяло. Увы, нога оставалась по-прежнему распухшей. Весь день он провел в угнетенном состоянии. Он знал, что врачи часто скрывают правду, чтобы не причинять больному преждевременных страданий. Таких историй он слышал в больнице сколько угодно. Особенно запомнилось ему рассказ о человеке, который попал в автомобильную аварию. Ему тоже говорили перед операцией, что все будет хорошо, а с операционной привезли без ног.

Так, без каких-либо изменений, прошел еще один день... Наутро, в сопровождении медсестры, в палату с обходом зашел Антон Касьянович.

– Ну, спортсмен, как дела? – бодрым голосом поинтересовался он.

– Нормально. – Попытался улыбнуться Гена.

– Что ж, давай, посмотрим... – Антон Касьянович осторожно откинул одеяло с ноги, потрогал её, проверил на чувствительность. – Как температура? – спросил он у медсестры.

– Последние два дня в норме. – Посмотрела она записи.

– Пожалуй, подождем ещё день-два... Похоже, намечается что-то хорошее, – заключил Антон Касьянович.

И действительно, словно в подтверждении его слов, через пару дней багровость стала медленно сходить, оставляя неестественную желтизну, и Антон Касьянович обрадовал Гену, сказав, что кризис миновал.

Больному человеку иногда достаточно даже незначительного стимула, чтобы пойти на поправку, а тут явные симптомы выздоровления были налицо. Прошла неделя, и опухоль спала настолько, что больная нога мало чем отличалась от здоровой. Каждая клеточка Гениного тела победно ликовала. Ещё через два дня ему разрешили ходить. Впрочем, ходить – громко сказано. Передвигаться. Именно это он и делал, толкая перед собой стул и держась за его спинку. При каждом шаге боль пронизывала колено, словно большой острой иглой, и на лбу проступали холодные капли пота, но Антон Касьянович без жалости побуждал Гену двигаться ещё больше.

– Колено надо разрабатывать! – говорил он. – Если образуется контрактура коленного сустава, можешь на всю жизнь остаться хромым.

Так прошла еще неделя... Гене дали костыли, и он смог выходить на улицу. Май лишь только начался. Теплый, прогретый солнцем воздух, запах цветущей в больничном саду сирени, обилие зелени, щебетание птиц. Май – это не просто месяц. Май – это состояние души. Души, которая хочет жить и ликовать. Молодость и весна брали своё. И Гена уже не предавался всецело раздумьям о своей болезни и не строил мрачных прогнозов на будущее.

В это утро Антон Касьянович задержался у его постели дольше, чем обычно.

– Ну, что нового? – как обычно спросил он, присаживаясь на табуретку.

– Да вроде, всё нормально, Антон Касьянович, – ответил Гена. – Уже и на улицу выхожу, да и колено не так болит.

– Хорошо, Гена, хорошо... – задумчиво произнес Антон Касьянович. – Тогда будем готовить тебя к выписке. Дома у тебя дела пойдут даже лучше. Если, конечно, будешь соблюдать все мои предписания. А теперь давай поговорим о другом, – сказал он. – С ногой, Гена, у тебя все хорошо. Думаю, ещё недели две, и ты даже хромать перестанешь. Но болезнь... Болезнь, Гена, остается. И тебе нужно научиться беречь себя. Физзарядка, утренние пробежки, плавание без излишних нагрузок, волейбол в своё удовольствие – это всё, что ты можешь себе позволить. Занятия спортом придется оставить. После выписки встанешь на учёт в центральной поликлинике. При необходимости будешь консультироваться, а если понадобится, то и лечиться – уже там. Ну, а я желаю тебе скорейшего выздоровления! – сказал он напоследок и, встав с табурета, крепко пожал Гене руку. И как всегда стремительным шагом вышел из палаты.

В середине девятого класса Марьяна изменилась. Она, то часами могла сидеть втихомолку, незаметная и задумчивая, а то вдруг, безо всякой видимой причины, веселясь, принималась тормозить всех вокруг, но через некоторое время уже вновь затихала в скрытой грусти. И если бы кто-то из посторонних наблюдал за её поведением, то наверняка был бы озабочен такими скачками настроения, посчитав их явными признаками душевного диссонанса. Однако мама Марьяны безошибочно определила – девочка влюбилась. И объектом её воздыханий был высокий, симпатичный десятиклассник Гена. На шумных школьных переменах

Марьяна искала случай, чтобы пройти мимо него и всегда ловила на себе его взгляд. Конечно же, они догадывались, что симпатичны друг другу, но сделать первый шаг навстречу никто из них не решался... Марьяна как девушка не могла подойти первой, а Гена хоть и выглядел повзрослевшим и возмужавшим, но в делах сердечных всё ещё оставался робким подростком. В своих девичьих грёзах Марьяна уже давно представляла себя его возлюбленной и, закрыв глаза, воображала, что вот она в огромном зале, на роскошном балу; играет музыка, по блестящему паркету в танце скользят красивые пары... Вот к ней подходит Гена и, галантно склонив голову, приглашает на танец – они легко кружатся в вальсе под звуки чудесной музыки среди других пар... Или что они сидят на скамейке у фонтана, Гена рассказывает о чем-то весёлом, она смеется, её смех привлекает внимание прохожих, но им все равно – на всем белом свете есть только он и она. Или что гуляют по ночному городу, он обнимает её за талию, она доверчиво прижимается головой к его плечу... Ей хорошо, спокойно и радостно.

У Гены тоже дальше мечтаний и воздыханий дело не шло. И вот случай, пусть и нелепый, но помог им хоть как-то раскрыть свои отношения. Марьяна ещё не раз приходила в больницу, и поэтому сейчас, когда его выписали, он мог запросто позвонить ей – дескать, я уже дома, всё нормально; тем более что она сама дала ему номер телефона и просила звонить.

– Алло! – раздался в трубке её голос. Гена хоть и ждал, что к телефону подойдет она, а не кто-то из родителей, всё же от волнения растерялся и поэтому ответил не сразу. – Алло, говорите же! – вновь послышался её голос.

– Здравствуй, Марьяна! Это я, Гена... – Преодолел он волнение.

– Здравствуй, Гена! – Голос Марьяны звенел радостью. – Ты уже дома?

– Да, дома.

– И как ты?

– Хорошо, – ответил он и, не дожидаясь, пока она что-то скажет, будто ухнув в холодный глубокий омут, сказал: – Марьяна, а давай погуляем сегодня вечером?..

Марьяна молчала, тишина показалась ему вечностью. Потом она тихо спросила:

– А это не повредит тебе?

– Совсем наоборот – мне нужно ходить как можно больше.

– А куда мы пойдем?

– Давай, в кино, – сказал Гена первое, что пришло в голову.

– Хорошо, – согласилась Марьяна.

Они договорились пойти на первый вечерний сеанс. Гена уже сменил костыли на трость, и его слегка прихрамывающая походка даже создавала определенный шарм. Через пару часов он ждал её у кинотеатра. Из автобуса, мягко подкатившего к остановке, вышла Марьяна и лёгкой походкой направилась к нему. Гена вновь почувствовал, как сильно забилося сердце, а на щеках проступила предательская краска. Она подошла и как-то очень просто, по-дружески, как будто они встречаются уже в сотый раз, протянула руку.

– Привет.

– Привет... – Гена взял её маленькую руку в свою и невольно задержал чуть больше, нежели это было нужно для простого дружеского рукопожатия.

Если бы он знал, сколько раз она мысленно репетировала эту сцену пока ехала в автобусе, чтобы при встрече всё выглядело легко и непринужденно! Теперь же вспыхнула как маков цвет.

– Ну что, пойдём в зал? – прервал неловкую паузу Гена. Она смущенно кивнула в ответ и посмотрела на трость.

– А тебе не тяжело подниматься по ступенькам?

– Нет, не тяжело. Я уже могу свободно ходить и без трости, просто Антон Касьянович первые две недели запретил с ней расставаться.

Фильм был про спортсменов-бегунов. На экране мелькали кадры, но Гена ничего не понимал, увлеченный совсем иными переживаниями. Он чувствовал себя принцем из сказки,

у которого, как по волшебству, исполнилось заветное желание: быть рядом со своей прекрасной возлюбленной. Он исподтишка любовался профилем Марьяны и набравшись смелости, нащупал в темноте её руку. Так взявшись за руки, они и просидели до конца сеанса.

На следующий день, в школе, он с нетерпением ожидал, когда закончатся урок; казалось, что прошла уже целая вечность и этому уроку не будет конца. Наконец прозвенел долгожданный звонок. Марьяну он увидел у дверей её класса, она стояла со своей подругой. Подруга что-то говорила ей, но Марьяна, казалось, совсем не слушала; её взгляд выискивал в толпе старшеклассников Гену. Их глаза встретились. О! куда сразу же делись её грусть и задумчивость?! Гена подошёл, поздоровался; подруга понимающе улыбнулась и отошла в сторону. Марьяна стояла спиной к стене. Её волосы были заплетены в косу, коса была перекинута через плечо на грудь и опускались до самого пояса. Одета в строгое школьное платье с белым ажурным воротничком вокруг шеи, она была необычайно нежна и красива. Вчера вечером, когда Гена в полутёмном зале взял её за руку, она вдруг поняла, что этот парень, о котором она так много думала и мечтала, значит для неё гораздо больше, чем даже представлялось ей в мечтах. И её чувства к нему – не просто девичья феерическая влюбленность, но нечто большее – любовь... Она стояла, не решаясь поднять на него взгляд, боясь, что он прочитает в нём всё.

– Марьяна, мы можем встретиться сегодня вечером?.. – спросил Гена.

Она наконец-то подняла на него глаза, отчего смутился теперь уже он.

– Да...

– Тогда, может, опять ходим в кино?..

– Давай лучше просто погуляем... – робко предложила она.

На дворе уже прочно установился май, и в тёплом вечернем воздухе витал густой, пьянящий аромат цветущей черемухи и сирени. В это время года приятно даже просто так, одному, пройтись по улице, а уж влюбленным, которым даже в осеннюю-то слякоть кругом все распрекрасно да хорошо – тем более.

Уже работали летние кафе; в одном из них они заказали мороженное и кофе, а потом пошли к фонтану. Вечером у фонтана было сыро и прохладно. Марьяна зябко поежилась, и Гена набросил ей на плечи свою ветровку. Возвращались поздно, по дороге свернули в небольшой уютный скверик и устроились на лавочке под невысоким раскидистым каштаном. Они сидели, соприкасаясь, ощущая тепло друг друга. Гена посмотрел на Марьяну и вдруг совсем близко увидел её глаза, красивый аккуратный носик и чуть приоткрытые, манящие губы. Сейчас во всем мире для него существовало лишь это звездное небо, лавочка под каштаном, Марьяна и – все... Он заметил, что её глаза блестят от слез. Она коснулась головой его плеча и прошептала:

– Гена, милый, я люблю тебя...

Все колыхнулось в его душе, он обнял её и, волнуясь, коснулся девичьих губ своим первым юношеским поцелуем.

Он почти не спал ночью, вновь и вновь переживая этот вечер. В школе витал в облаках и даже не заметил, что на урок, вместе с преподавателем математики, зашел физрук, тренировавший волейбольную команду и, лишь услышав его голос, вернулся в реальный мир. Физрук говорил, что школа заняла первое место среди юношеских волейбольных команд города и получила переходящий серебряный кубок, а команда – вымпел «Лучшая команда года».

– А еще один вымпел «Лучший игрок года» я принес с собой, – сказал он и, взглянув на Гену, попросил того выйти.

И когда Гена вышел, поблагодарил его за отличную игру и, под аплодисменты класса, вручил атласный треугольник с желтой бахромой по краям, с золотистым тиснением «Лучший игрок года». Гену все поздравляли, а он уже, кажется, стал привыкать к виражам судьбы. Сначала травма колена и болезнь, и вдруг – Марьяна и всё, что было вчера вечером в скверике.

А вот сейчас ещё и вымпел «Лучший игрок года»! Что же ещё уготовано ему судьбой, какой поворот впереди: радостный или печальный?..

Только прозвенел звонок, оповещающий конец урока, как в класс зашла женщина средних лет в белом халате, работающая в школьном медпункте фельдшером. Она подошла к Гене и сказала, что ей звонили из центральной поликлиники и ему сразу же после уроков придется поехать туда и сдать кровь на анализ. И пообещав ей, что непременно съездит, с уже явно подпорченным настроением он пошел к Марьяне. Она ждала его на том же месте, что и вчера – у дверей своего класса.

– Здравствуй Марьяна... – Взял он её руки в свои.

Ему казалось, что он не здесь, а каком-то другом мире, в другом измерении, отгороженном от суеты и гама школьной перемены чем-то прочным и звуконепроницаемым. Они смотрели друг другу в глаза, посвященные в восхитительное чувство, имя которому – Любовь. И у них была уже своя небольшая тайна: уютный скверик, лавочка под каштаном и всё, что там было вчерашним вечером...

– Куда пойдем сегодня? – спросили Марьяна.

– Куда скажешь.

– Тогда – в ботанический сад! Сейчас там очень красиво, всё цветет...

Сразу же после занятий Гена съездил в поликлинику, – она хоть и называлась центральной, но от центра находилась достаточно далеко, сдал на анализ кровь. А приехав домой, с нетерпением ожидал вечера. И в назначенный час, с букетом полевых цветов, он уже стоял возле памятника известному поэту. А вот и она! Гена издали увидел её, идущую лёгкой красивой походкой. «Несомненно, она – самая изящная и прекрасная во всем мире!» – подумал он.

– Привет, заждался? – подошла она.

– Нет, прошло только пять минут. По этикету ты пришла даже минут на десять-пятнадцать раньше, – пошутил он и вручил ей цветы.

– Полевые... Мои любимые! – обрадовалась она.

Из множества ярких букетов, которые в это время года продавались на каждом углу, Гена почему-то выбрал именно этот, привлекающий своей неброской, естественной красотой, невольно отождествляя красоту этих цветов с красотой Марьяны, естественной и притягательной, которой можно любоваться, не замечая времени.

– Ну что, в ботанический сад? – спросила Марьяна

– Как договаривались! – улыбнулся Гена.

На автобусе они доехали до остановки «Ботанический сад» и, заплатив символическую плату, прошли в его высокие, ажурные железные ворота. Некоторое время шли по заасфальтированной дорожке вдоль скамеек по берегу пруда, заросшего крупными листьями водяных лилий, среди которых, громко крикая, кормились дикие утки, и затем вышли на главную аллею сада. Вскоре стих шум автомобильной дороги и стали отчетливо слышны птичьи голоса. Чтобы обойти весь сад не хватило бы и дня. Они посетили цветочные оранжереи, любясь гаммами соцветий, побродили по аллеям дендрария... Многие деревья в дендрарии цвели. Восхитительно смотрелись цветущие липы – словно огромные белые полусферы. И уже напоследок заглянули в японский сад. В отличие от остальной части сада, где всё очаровывало гаммами красок и соцветий, здесь явно преследовалась другая цель – помочь отрешиться от всего суетного и обрести душевный покой. В последовательности, хранящей в себе сокрытый смысл, возвышались композиции из камней; небольшой водопад в середине сада навевал умиротворение и покой; вычурные беседки и ажурные мостики через ручей переносили в страну самураев и гейш, в страну величия души и самосозерцания. Весь сад окутывали бело-розовые облака цветущей сакуры и малиново-розовая пелена цветущих азалий. Чуть навевая грусть, на невысоком пригорке стояло одинокое дерево.

Домой возвращались не спеша, будучи ещё под впечатлением от всего увиденного. Когда подошли к дому Марьяны, на город уже опустился тёплый майский вечер, уютно светились окна многоэтажек, под светом неоновых фонарей тучей роились комары, доносились звуки авто и голоса прохожих.

– Зайдем ко мне, – неожиданно предложила Марьяна.

– А как же родители?

– Они уехали на дачу. Сегодня же пятница.

В квартире у Марьяны было просто, уютно и опрятно. Её родители, впрочем, как и родители многих его сверстников, были простые рабочие люди и трудились на одном заводе. Отец работал токарем, мать – инструментальщицей.

– Хочешь, сварю кофе? – предложила Марьяна.

– Не откажусь.

– Посиди на диване и не скучай, а я скоро вернусь, – сказала она и ушла на кухню.

Вернулась минут через десять, уже переодетая в домашний халат и с подносом в руках, на котором были две чашечки с ароматным дымящимся кофе, вазочка с печеньем и сахарница. Марьяна поставила поднос на журнальный столик перед диваном и села рядом с Геней.

– Тебе с сахаром? – спросила она.

– Да. Если можно, одну ложечку.

Гена не мог оправиться от чувства неуклюжести. А на фоне того, как естественно и просто вела себя Марьяна, становился еще более неловким. Ухитрился взять чашечку так, что половина содержимого выплеснулось на полированную поверхность столика. Марьяна сказала, что в этом нет ничего страшного, сходила за тряпкой и аккуратно вытерла столик. Затем он хотел изобразить непринужденную позу и, откинувшись на спинку дивана закинуть ногу за ногу, чтобы, разговаривая, отпивать небольшими глоточками кофе, как, – он это видел, делают в кино актеры. Но коленом зацепил низенький столик и опрокинул чашку Марьяны. Тут Марьяна не удержалась и прыснула от смеха. Сдерживаясь, чтобы не рассмеяться ещё громче, вновь вытерла столик насухо.

– Извини Марьяна, со мной что-то не в порядке, – сказал Гена, отстраняя чашку.

– С нами, Гена, с обоими что-то не в порядке. – Марьяна отложила тряпку и присела совсем рядом.

И вновь он близко увидел её глаза, большие, зовущие и волнующие... Волнением наполнилась грудь, голова закружилась, как будто он пил не кофе, а шампанское. Всё куда-то исчезло, остались только он и Марьяна. Он обнял её, коснулся легким поцелуем ресниц, щёк, прильнул к губам, нежным и трепетным. Как в полусне, расстегнул верхнюю пуговицу халата и ощутил её грудь, небольшую и упругую. Она не сопротивлялась, только ещё сильнее прижалась к нему. Гена продолжал целовать её, уже не владея собой, расстегивая пуговицы халата. Он целовал её шею, грудь, внутри появлялось томное, тягучее желание. «О Боже! – пронеслось в голове. – Так нельзя! Кто-то из нас должен остановиться». Он мысленно взмолился: «Марьяна, дорогая, да останови же ты меня!» И словно услышав его, она просяще прошептала:

– Гена, милый, не надо...

Тяжело дыша, он откинулся на спинку дивана. Покрасневший и взволнованный, тёр ладонями лицо. Марьяна уже застегнула пуговицы халата, поправила волосы, и лишь после этого взглянула на него. Он старался не смотреть ей в глаза и невидящим взором уставился в противоположную стену.

– Знаешь, Гена, давай я сварю ещё кофе, и мы действительно будем его пить, – первой нарушила тягостное молчание Марьяна.

Потом они молча пили кофе, говорить не хотелось... Случившиеся опустошило обоих. Уже когда прощались у самых дверей, она сказала:

– Спасибо Гена... – продолжать было не нужно. Гена знал, за что это «спасибо», но всё же Марьяна добавила: – Сама бы я с этим не справилась... И поверь – мне очень стыдно!

Перед тем, как зайти в квартиру, Гена ещё долго сидел на лавочке у подъезда, да и ночью почти не спал. Пережитое и выпитый на ночь кофе будоражили его. Заснул лишь под самое утро. Ему приснился большой белоснежный замок на высоком холме, покрытом шелковистой, изумрудного цвета травой. К замку тянулись белые, в светло-серых прожилках, мраморные ступени. Он и Марьяна, в торжественно-красивых длинных одеждах, неторопливо поднимаются по ступеням. Гена знает, что когда они достигнут вершины холма и войдут в замок, то станут мужем и женой. Ему хочется идти быстрее, переступая через ступени, но идти нужно медленно и величественно. Вершина уже почти рядом, и лишь небольшое расстояние отделяет их от золоченых дверей замка... но внезапно он понимает, что не имеет права вести Марьяну под вычурные своды этого великолепного дворца. Что дальше, за этим, ничего нет – лишь пустота и страдания. Вдруг откуда-то сверху полились звуки тихой мелодии; выделяясь, играла скрипка, её звук становился сильнее и сильнее... И вот уже плакала лишь она, громко и пронзительно, и звук этот проникал в самые потаённые уголки души. Появилось чувство безотчетного страха и угнетенности. Гена проснулся весь в поту; некоторое время он лежал, ощущая гулкие удары сердца и постепенно осознавая суть увиденного во сне. «А ведь это действительно так! – осенила его страшная догадка. – Во сне я лишь увидел ответ на размышления последних дней. Я болен, хотя еще не до конца осознаю этого, да и о своей болезни мало что знаю. Но вполне возможно, что однажды моя болезнь станет препятствием для нашей любви. И что тогда – разрыв? Нет, это невозможно, без Марьяны я не мыслю и дня! Вот и сейчас, только проснулся, а уже готов бежать к ней...»

В дверь комнаты тихо постучали, и Людмила Александровна пригласила его завтракать. За столом Гена старался ничем не выдавать своего дурного настроения, однако Михаил Иванович, пристально посмотрев на него, заметил:

– Что-то ты, Гена, выглядишь неважно... Спал, что ли, плохо?

– Да нет, нормально.

– Как в школе дела?

– Да вроде бы неплохо...

– Завтра на реку поедem, – сказал Михаил Иванович, – порыбачим, позагораем. На улице уже какой день красотища такая, а мы на природу ещё ни разу не выезжали.

Гена, соглашаясь, кивнул головой.

– Ну, вот и ладненько! Пойду в гараж, машину подготовлю. Масло давно уже пора поменять...

Болезнь Гены Михаил Иванович и Людмила Александровна восприняли как семейную трагедию. И хотя, чтобы не ранить его излишним вниманием, не проявляли чрезмерной заботы, всё же Гена ощущал иное к себе отношение. На столе теперь всегда были фрукты и свежие овощи, которые в это время года можно было купить только на колхозном рынке, и стоили они там недёшево. Гена возмущался, просил прекратить тратить деньги, но всё было бесполезно.

– Так ведь для всех покупаем, Гена! – недоуменно разводил руками Михаил Иванович. – А куда их девать, деньги-то, солить, что ли? А тут и до своего урожая недалеко. Яблони нынче на даче хорошо отцвели, завязи много, урожай неплохой будет. Абрикосы тоже неплохо взялись. Так что ешь, давай, не считай.

– Фрукты и овощи нужно есть обязательно, – безапелляционно сказала Людмила Александровна, выслушав протест Гены. – Так что никакие твои возражения не принимаются.

Гене оставалось лишь одно – мириться с этим.

Ещё до начала первого урока повстречался с Марьяной и все переживания утра исчезли, лишь только услышал её голос. А уже вечером ждал её у памятника с таким же букетом полевых цветов. Они просто гуляли по улицам вечернего города. О, сколько же, оказывается, трепетных мгновений можно пережить от одного только взгляда любимой, от касания её руки, от того, как она поправляет прядь волос, да и просто оттого, что она есть и сейчас – рядом! Расстались поздно, у её подъезда. Гена дождался, пока стих стук каблучков и захлопнулась дверь её квартиры, и лишь потом направился к своему дому.

В понедельник, после первого урока, к нему подошла школьный фельдшер и вручила направление в поликлинику. Врач – высокий, седой, с крупными чертами лица, был добродушен и участлив.

– Присаживайся! – указал он жестом на стул, стоявший против его стола. Затем еще некоторое время перебирал лежавшие перед ним бумаги, давая время Гене привыкнуть к обстановке. – Ну, хорошо, – сказал он наконец, убедившись, что пациент готов к разговору, – зовут тебя, значит, Геннадий? Очень хорошее имя. А меня зовут Алексей Павлович. – Он снял массивные очки в роговой оправе и отложил их в сторону, также располагая этим к себе собеседника. – Ну, что, Гена, – продолжил говорить он, выдержав небольшую паузу, – полагаю, что ты уже знаешь, чем именно болен?..

– В общих словах – да, но у меня много вопросов...

– Любознательность хорошее качество, но думаю, что тебе не нужно слишком увлекаться детальным изучением болезни, это, всё-таки, удел специалистов... Хотя, кое-что тебе знать просто необходимо. Мы подозреваем у тебя хронический лимфоцитарный лейкоз. Обычно он диагностируется лишь при появлении выраженных симптомов, но в твоём случае повышенное число лейкоцитов удалось выявить при общем анализе крови, на ранней стадии заболевания. Поэтому будем надеяться на лучшее.

– Алексей Павлович, значит, я могу надеяться на выздоровление?..

– И не только надеяться, но и обязан в это верить! Иначе никакое лечение не будет иметь силы. – Алексей Павлович вновь переложил очки с места на место. – И запомни, Геннадий, – сказал он, пристально посмотрев на Гену, – выздоровление прежде происходит в сознании человека, и лишь потом мы наблюдаем его проявление! Ты всегда должен думать о себе позитивно – как о здоровом человеке. Вера и надежда – это необходимые условия, и они непременно должны присутствовать в твоей жизни. Но не только это... – продолжил он. – В медицине ничего не происходит по мановению волшебной палочки, и каждый случай, в котором мы наблюдаем положительный результат – это труд. И не только врачей, но и самих больных тоже. Важно выполнять все врачебные предписания, вести здоровый образ жизни; вся твоя жизнь, твои мысли, твои желания должны быть направлены на выздоровление и только выздоровление. И, конечно же, никогда не нужно делать преждевременных прогнозов и негативных выводов. Прогнозы, выводы и диагнозы – это удел специалистов и только специалистов. А сейчас... – Алексей Павлович протянул Гене уже заполненный медицинский бланк. – Возьми направление в стационар и завтра к десяти утра, пожалуйста, будь там. И, хотя твое состояние на данный момент и не вызывает тревоги, всё равно придется провести две недели в клинике. Сдашь анализы, понаблюдаешься... Чтобы мы могли более точно установить диагноз.

– Алексей Павлович! – обратился к нему Гена. – У меня выпускной год и скоро начнутся экзамены. Можно мне подождать ещё месяц?..

– Здоровье, Гена, дороже. Поэтому откладывать лечение не стоит, а готовиться к экзаменам можно и в палате. И вот на этом мы сегодня и закончим наш разговор, – сказал Алексей Павлович. – Стационар в этом же здании, в другом крыле. Направление отдашь дежурной в приемном покое. Завтра после обеда я навещу тебя.

Вечером Гена вкратце пересказал Марьяне свой разговор с врачом.

– Тебе сказали, что при этой форме лейкоз никак себя не проявляет и может пройти бесследно? – выслушав, уточнила она.

– Да, Алексей Павлович сказал так. Но дело не в этом... – и он замолчал, подбирая слова.

– А в чём же тогда?

– Я не должен был начинать наши отношения, зная, что болен. А теперь... теперь я люблю тебя!

Марьяна взяла его руки в свои и сильно, так, что побелели костяшки на её пальцах, сжала их.

– Гена, посмотри на меня.

Он взглянул и не узнал её. Это была не та Марьяна, которую он знал. Перед ним сидела волевая, решительная девушка со стальным блеском в глазах, еще недавно таких приветливых и ласковых.

– А теперь слушай, – сказала она, – даже если эта болезнь неизлечима, мы никогда не расстанемся, слышишь?! Никогда! И не смей думать об этом. Я тоже люблю тебя, и этим все сказано!

Гена молчал.

– Ты не хочешь говорить?..

Он продолжал молчать.

– Ответь хоть что-нибудь! – уже умоляла Марьяна.

– Что я должен сказать?

– Что ты выкинул эти глупости из своей головы.

– Марьяна, даже если я это скажу, ничего не изменится, ведь это действительно так...

– Ты глупый, глупый!! Я люблю тебя, люблю! И мне всё равно, болен ты или здоров!

Она отпустила его руки и закрыла ладошками лицо.

– Мне, Марьяна, это не всё равно...

Марьяна отняла ладони от лица, на её глазах были слезы. Непонятно почему завел этот разговор далекий от всяких сентиментальностей Гена, ведь предвидеть реакцию Марьяны не составляло большего труда. Возможно, что он просто хотел услышать то, что услышал. И, не ведая того, тронул те струны её души, которых не должен был касаться. Ему стало не по себе.

– Прости! И забудь о том, что я сказал.

Она взглянула на него сквозь слезы и улыбнулась, по-прежнему милая и нежная.

С того дня, как Гена вернулся из больницы, он только раз сходил в церковь. Ночами, когда натруженное за день колено болело, мешая заснуть, у него было много времени для размышлений. «Ведь не по своей воле человек рождается на этот свет, – бесконечно тянулись мысли, сменяя одна другую. – Тогда в чём моя вина, почему я болен и страдаю?.. В чём согрешил? В том, что родился, что дышу, и во мне бьется сердце? Разве в этом моя вина?! Не во власти человека родиться или не родиться, не по своей воле он страдает и переносит мучения. Тогда не сам ли Бог виновен пред людьми? Ведь не сотвори он человека, ничего бы и не было. Зачем ему человек? Пастор проповедовал, что грех через непослушание Адама и Евы вошёл в людей. Ну, а причем здесь я-то? Причем другие? И зачем мне призрачные обещания вечной жизни, когда я хочу лишь малого – быть счастливым здесь, на земле? Сколько на земле безвинно страдающих людей, умирающих от войн, болезней, от голода и жестокости власть имущих?! Где во всем этом Бог!? Где Его справедливость и хваленое милосердие?! В том, что когда-то сатана будет поражен и наступит полная гармония, и лев будет кушать травку рядом с овечками?! Что за бред? Детский сад! Сказка, в которую я верил, как последний идиот... Пастор часто говорит, что в Иисусе Христе Бог оправдал себя как Творец за страдания человечества, даровав милость и спасение через его смерть. Мне лично от этого не легче, зачем мне эта смерть? Пусть бы жил

себе на небесах рядом со своим могущественным папашей... Я не просил никого умирать за меня! Я хочу лишь одного – нормально жить и всё, больше мне ничего не нужно! Да и вообще, зачем вся эта непонятная карусель – сначала сотворить людей, затем коварно предать их греху и на них же возложить вину за это; да ещё и изгнать их в пустыню, почти на верную смерть. Если Он такой Всевидящий, неужели не заметил, что человек существо слабое, подвластное соблазну, это рядом с человеком, чтобы змей не подступил к нему, а не возле ворот Эдемского сада нужно было ставить херувима с огненным мечом. И уж коли Бог есть на самом деле, и всё случилось так, как об этом написано в Библии, то не лучше ли Ему оставить людей в покое, потому что они имеют право судить Его даже больше, чем Он их...» И с каждым днём все больше и больше, как ржавчина разъедает железо, точило его веру разочарование, и неясный рок маячил впереди гнетущей тенью.

Вернувшись в этот вечер от Марьяны, он взял Библию, которая уже перекочевала с прикроватной тумбочки на письменный стол, сел на постель и открыл её на том самом месте, где написано, что Бог явит любящим Его Свою совершенную защиту. Гена встал с кровати и, продолжая держать Библию открытой, стал говорить:

– Бог, я не знаю, есть ли Ты на самом деле или нет... наверное, скорее всего, есть. Но Ты не такой, как о Тебе написано в этой книге. А если это так, то значит, и всё остальное, что здесь написано, сплошная ложь, вперемешку с древней и обветшалой моралью, которая уже давно никому не нужна. Ты обещал верующим в Тебя защиту от болезней, так я спрошу – где Твоя защита?! Я не делал ничего плохого, верил, как мог, а что получил?! Вместо счастья – болезнь, вместо радости – горечь. Я люблю, но боюсь взаимной любви. И даже если и буду любим, сделаю свою девушку несчастной. – У Гены срывался голос, но он всё же продолжал: – И если такова Твоя защита, я не нуждаюсь в ней; если Ты такой Бог – я не нуждаюсь в Тебе. Найди Себе другого и защищай его так, как Ты защищал меня!

Почти прокричав последние слова, Гена с яростью швырнул Библию. Она, прошелестев страницами, пролетела через всю комнату, ударилась о противоположную стену и упала на диван. Ему стало страшно оттого, что он сделал, но затем пришла апатия и пустота. А чего, собственно, бояться? Ведь самое страшное, что могло произойти с ним, уже случилось...

Вновь две недели на больничной койке, опять бесконечные уколы, капельницы, анализы... А каждый вечер, в часы приема посетителей, его вызывала дежурная медсестра. Он быстро спускался вниз, на первый этаж, где был небольшой, с мягкими диванами, зал для посетителей и видел её, элегантную и красивую; ту, которой были посвящены все его мысли и сердце. Они шли в больничный сад, устраивались на самой дальней скамейке и были вместе всё оставшееся до вечерних процедур время. Почти каждый день Гену навещали Михаил Иванович и Людмила Александровна, Вока; приходили и другие, но, справившись о здоровье и отдав традиционные гостинцы, спешили распрощаться, понимая, что Гене с Марьяной хочется побыть наедине.

Перед самой выпиской Алексей Павлович пригласил его в свой кабинет.

– Садись, – по обыкновению пригласил он, указав рукой на стул перед своим столом, лишь только Гена вошел. – Ну, что, Геннадий, как самочувствие, как настроение? – спросил он, когда Гена сел.

– Да, в общем-то, хорошо...

– Ну, молодец, молодец... – одобрительно произнес Алексей Павлович, по привычке перекладывая очки на столе. Общий вопрос в начале разговора, поддержка, похвала, ещё какая-то стимуляция – это был его стиль общения, который позволял пациенту увидеть в нём не только врача, но и просто человека, которому небезразлична судьба больного. И это не был выработанный годами практики психологический трюк, это было естественно, это исходило

из его сердца, это было его сущностью, и люди чувствовали это. – А теперь давай ближе к сути нашего разговора, – приступил Алексей Павлович к делу. – Предположительный диагноз, хронический лимфоцитарный лейкоз, подтвердился.

Гена хоть и не ждал чуда, что его диагноз вдруг может не подтвердиться, но где-то в уголке его души всё же, робко ютилась эта надежда. Ведь он слышал, что иногда диагноз не подтверждался на втором и даже третьем диагностировании.

– Но это вовсе не повод, чтобы отчаиваться! – продолжил Алексей Павлович, заметив, как поник взгляд его пациента. – В данный момент ещё нельзя поставить долгосрочный диагноз... Но, судя лишь по незначительному превышению нормы белых кровяных телец и отсутствию видимых признаков, заболевание протекает в низкой группе риска. При таком течении лечение обычно не назначается, а рекомендуется лишь тщательное наблюдение. И, конечно же, хотя бы раз в полугодие тебе необходимо проходить курс общеукрепляющей терапии. Будем надеяться на лучшее! – он немного помолчал и продолжил: – В практике нередки случаи, когда на подобной стадии больные этой формой лейкоза выздоравливали полностью.

Слова Алексея Павловича вдохновили Гену и тот воспрял духом – не так-то уж и плохи, оказывается, его дела!

Марьяна как будто ждала звонка и сразу же подняла трубку:

– Аллю, слушаю, – прозвучал её голос.

Гена промолчал, ему хотелось, чтобы она говорила и говорила, но Марьяна уже догадалась.

– Гена это ты?.. – спросила она.

– Я.

– А почему не отвечаешь?

– Хотел услышать твой голос.

– Для этого необязательно звонить и молчать, – нарочито строго отчитала она. – Можно просто встретиться...

– В таком случае, на прежнем месте через час.

Гена не нашёл, где бы продавали полевые цветы, поэтому купил белые розы.

– Ой, какие красивые! – восхитилась Марьяна, лишь только он вручил ей букет. – После полевых, мои самые любимые.

– Ты просто не хочешь меня разочаровать.

– Нет, правда, мне очень нравятся розы! Особенно белые, ведь белые розы – это символ любви.

– Теперь буду дарить тебе только белые розы.

– Можешь дарить и красные: красные розы – символ верности.

– Хорошо, я буду дарить тебе букеты из красных и белых роз.

– Хорошее сочетание, означает единство.

– Ты неплохо во всем этом разбираешься.

– Девушкам это свойственно.

Они устроились на лавочке в их любимом скверике.

– Гена, почему ты мне не рассказываешь, куда хочешь пойти после окончания школы? – неожиданно спросила Марьяна.

– Пойду работать на завод.

– Когда ты это решил?

– Недавно.

– А до этого?

– До этого хотел в радиотехнический.

– Ты передумал из-за болезни?

– Наверное... – ответил Гена.

- А чем работать лучше, чем учиться?
- Я, Марьяна, и сам не могу толком объяснить... Но мне кажется, что так будет лучше.
- А врачи разрешат тебе работать на заводе?
- Да. Я разговаривал с Алексеем Павловичем – он не против. Только посоветовал выбрать профессию, где угроза травмы была бы минимальна.
- И что за профессию ты выбрал?
- Сначала устраюсь учеником токаря, потом сдам на разряд.
- Мой папа работает токарем, – сказала Марьяна, – и я знаю, что это небезопасно. Иногда у него что-нибудь, да случается. Вот недавно: не надел защитные очки, и металлическая стружка попала в глаз... Хорошо, не в зрачок!
- Мне просто нравится эта работа.
- Извини, я вовсе не думаю тебя отговаривать! Работать – это очень хорошо. Рабочий класс у нас в почете, – шутливо сняла возникшее в разговоре напряжение Марьяна.
- А ты, что будешь делать после школы? – спросил в свою очередь Гена.
- Пойду в медицинский.
- Считаешь, это твое призвание?
- Даже больше – необходимость.
- Гена внимательно посмотрел на неё. Марьяна рассмеялась.
- Когда окончу институт, буду твоим личным врачом. Если ты, конечно, к тому времени уже не выздоровеешь.
- Ах, ты мой добрый, милый врач! – и обняв, Гена нежно прижал Марьяну к себе.

Гена хоть и пропустил много занятий, тем не менее, успешно сдал выпускные экзамены и сразу же устроился работать на завод, где работал и Иван Михайлович – в экспериментальный цех, учеником токаря. А через два месяца сдал на второй разряд и получил в свое распоряжение токарный станок, хоть и не новый, но ещё в вполне приличном состоянии. Его выбор идти работать был, скорее, вызван желанием доказать, – и в первую очередь самому себе, что он не хуже других и, несмотря на недуг, вполне самостоятелен и может зарабатывать деньги; хотя Михаил Иванович и Людмила Александровна убеждали его поступить учиться в радиотехнический институт. Родители же выбор одобрили, по крайней мере, против не были; лишь мать писала, чтобы он берег себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.